

Станислав Шульга

Архивы Сквозной Сети

Хаос-генератор

Том 2

18+

Станислав Шульга

**Архивы Сквозной Сети.
Том 2. Хаос-генератор**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шульга С.

Архивы Сквозной Сети. Том 2. Хаос-генератор / С. Шульга —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Красные муравьи. От этого бегут все. Поток, который сжирает на ходу все, оставляя изглоданные пни и кости. Поток, который не может остановить ни вода, ни горящая нефть. Тупая мощь гонит первые ряды в воду и огонь, создавая мост из трупов, по которым идут остальные. Сможем ли мы остановиться на пути к хаосу и полному разрушению? Быть может, тот искусственный интеллект, который мы создадим, станет тем зеркалом, которое позволит нам увидеть себя со стороны, в другом, совсем другом свете.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Часть первая

«Границы размываются. Вряд ли кто-то скажет точно, когда это началось. У каждого, кто смотрит по сторонам, будет своя точка зрения, вокруг которой вращается мир.

Рубежи между государствами еще сохраняют свою силу в виде иллагбаумов и таможенников. Они по-прежнему досматривают грузы, но современные коммуникации прорезали колючую проволоку и свели на нет необходимость паспортного контроля. Обществу по разные стороны границ мало что мешает. Информация больше не предмет таможенного досмотра.

Селевые потоки рекламы растворяют в себе культурные ценности, топят в своей мути то, что служило ориентирами для десятков поколений. Цели тех, кто создает и направляет их, просты как дважды два. Из мешанины образов и звуков ненавязчиво проступает, позволяя кивать главное: Купи меня! Меня! И меня тоже купи!». Во всех «Макдональдсах» мира пахнет одним и тем же. Мы забываем свою историю, но хорошо различаем международные иероглифы-бренды. Медиа-эфир забит разногласиями ярлыков из глобального супермаркета.

Реальность мешается с вымыслом. Сценарий, по которому нью-йоркские баини-близнецы превратили в братскую могилу, скопирован с голливудских блокбастеров. На премьеры "культовых" фильмов люди наряжаются в костюмы главных персонажей. Актеров, играющих в сериалах, продолжают называть экранными именами в жизни. Индустрия развлечений производит сотни вымышленных миров, в которые мы время от времени сбегает. От себя, от других, от того, что перестало быть реальным.

Первая серия.

Продолжение.

Продолжение продолжения.

Электрический карнавал Сети прячет настоящие лица за шутовскими никнеймами и липовыми данными из личных профилей. Разница между мужчиной и женщиной размывается модой и хирургами, делающими операции по смене пола. Границы между жизнью и смертью остались незыблемыми только в канонах прошлых веков. Той овце еще поставят памятник спасенные с помощью технологий клонирования и генной инженерии.

Мир меняется, границы плывут. Нам не нужен Архимед, переворачивающий землю. Нам нужна точка опоры. Точка опоры, вокруг которой мы сможем выстроить свою систему координат, где мир обретет более или менее четкие контуры».

"Размытый мир"

БлогПост Гейтскипера

Киев, август 2014 года

Стены заставлены до самого потолка однообразными полками. На полках – стройные ряды футляров с дисками. Мелкая крошка цифр на их торцах отличается длиной и шрифтом, которым прописан код. У окна массивный стол с тремя мониторами. Два из них черны, в третьем крутится короткий сюжет скрин-сейвера. Маленький шут с длинным носом появляется из ниоткуда, озирается по сторонам и убегает. Затем появляется группа сюрреалистических существ, которые, судя по всему, преследуют шута. Надпись темно-красного цвета пробегает в нижней части экрана. Тьма и все повторяется снова.

На столе царит идеальный порядок.

За столом человек. Ультразвуковой обруч крепко сжимает запрокинутую голову.

Камера медленно обзревает комнату, останавливаясь на наиболее существенных, с точки зрения оператора, деталях. В поле зрения опять попадает стол и экран монитора.

– Останови. Прокрути назад.

Таймер застывает, и начинается обратный отсчет.

– Что тебя интересует?

– Текст на экране.

Запись останавливается.

«Сломается вот эта штука – шкатулка не издаст ни звука».

– Что-то очень знакомое...

– Продолжить?

– Давай.

Запись прокручивается дальше. Человек с обручем не изменил позы. Он все также сидит в кресле, запрокинув голову. Так иногда снимают нервную усталость. Подремать полчаса под расслабляющую псионику в кресле с хорошим подголовником. Камера приближается. Фейерверк служебной информации рассыпается вокруг человека. Впрочем, и без этих цифр все понятно.

Человек мертв.

Николай Шершень погасил сигарету в стеклянной пепельнице. Снял очки.

Из кармана клетчатого пиджака он вытащил футляр, извлёк из него коричневую бархатку. Неспешно протерев линзы, водрузил очки обратно на нос. Потеребил треугольную бородку. И только потом начальник отдела стратегического планирования компании «Скиф» произнёс:

– Паша, что ты хочешь от меня?

– Что это? Несчастный случай, убийство, самоубийство?

– Убийство. Остальное маловероятно.

– А если предположить, что это был «последний трансфер»?

– Предполагать можно все что угодно, Паша, – улыбнулся Шершень. – Какие основания?

– Чешир бывший гейткипер, а они это практикуют.

– Вот именно, что бывший. Не стоит думать, что в GK Inc каждый сотрудник способен заполучить перед смертью клон сознания. Это привилегия деми-личей, высших управленцев и ценных специалистов. Действительно цененых для корпорации. Для прочих смертных доступ в «Долину Царей» заказан.

– Неужели так сложно снять киберклон?

– Это в кино все просто, а на деле технологией располагают десятка три организации, среди которых половина – государственные конторы. Да и неважно, как из тебя выкачают память и сделают киберклон. Как ни крути, это информация, ее надо где-то хранить. Владелец прав на хард с твоим киберклоном во многом определяет, что с ним делать. Угодишь в плохие руки – станешь «рабом лампы».

– Значит, эту гипотезу ты не принимаешь?

– Да я и мотивов не вижу, Паша. Чеширу было слегка за пятьдесят. Мужик здоровый, что психику возьми, что физику. Жизнь только налаживаться начала. Полгода как откинулся из колонии, свободный человек, елки с палками. В деньгах, думаю, нужды не испытывал. С его уровнем и послужным списком – и без работы париться? Какое самоубийство!? Убийство, однозначно! А что тебя смущает?

– Ну, меня как бы смущает отсутствие следов насильственной смерти. Лаборатория пока еще не закончила все анализы, но проверка на месте следов тяжелой псионики не показала. Еще несколько дней нужно для того, чтобы иметь полную картинку. Но есть странности. Собственно, я тебя и позвал, чтобы кое-что прояснить, – он посмотрел на свой стол. – Так, так, так, этот диск лежал где-то здесь...

Рабочий стол старшего следователя «убойного» отдела Павла Пепелова был завален бумагами, папками, стопками дисков, связками флэшек на шнурках и прочей дребеденью. В рыхлом массиве неупорядоченной «твердой» информации разобраться мог только автор этого беспорядка. Кто-то сказал бы, что это своеобразный способ маскировать секретные данные, но увы. Шершень знал Пашу лет тридцать, еще со службы в «погранцах». Тогда все было по-другому. Форма в порядке, автомат смазан. Да и Паша был стройнее. Последний раз они встречались два года назад, и за прошедшее время старший следователь значительно раздался в теле. Полное лицо с небольшими, близко посаженными глазами. Пухлые пальцы, рассеянно разгребающие завал на столе. Не найдя искомого, он поднялся с кресла, обошел стол с правой стороны и неловко зацепился за плохо сложенную стопку бумаг. Та разлетелась по полу белым веером. Чертыхаясь и крича, он кое-как сложил бумаги и бросил на стол. Шершню подумалось, что с годами рыхлым становится не только тело, но и мозг. Он устыдился этой мысли.

Искомый диск обнаружился рядом с кофейной чашкой.

Пепелов вставил диск в компьютер и запустил нужный файл. На экране появилось изображение дома. Белый фасад, балконы, застекленные вразнобой, низкорослые деревья. Многоэтажка в «спальном» районе.

– Это запись камер Кибернетического Глобуса, сделанная в день гибели Чешира, а если точнее, то в том промежутке времени, когда наступила смерть, – сказал Пепелов.

На экране замелькали кадры. Изображения всех, кто заходил или выходил из дома, фиксировались и сбрасывались в нижнюю часть экрана. Когда их число перевалило за четыре десятка, Пепелов остановил воспроизведение.

– Так, имеем десять человек, не проживающих в этом доме. Восемь из них – это родственники или друзья жильцов. Остальные – вокруг массива снимков замерцала красная рамка – выпадают из их числа.

Изображение развернулось на весь экран. Человек выходил из парадного. С виду – лет пятьдесят. Сощурившись от яркого света, он накинул на голову капюшон длинной куртки. Станный выбор одежды, если учесть, что на дворе жаркий август и две недели не было дождей. Запись остановилась. Камера обернулась вокруг человека, дав обзор с других ракурсов. Потом Пепелов остановил запись.

– Мы проверили этого человека по базе в трех близлежащих районах и пока ничего. Поиск уже запущен на городском уровне.

Шершень продолжал теребить кончик бороды.

– Человек вышел из дома, – проговорил Шершень, – а как он туда зашел? Запись есть?

– В том то все и дело, что нет. И, Коля, есть еще одна странная хрень. Мы собрали данные с ближайших камер в районе, записи в полномолновом спектре. В Кибернетическом Глобусе нет вообще ничего! Пустышка! Кто-то исказил сигнал и стер изображения этой личности, причем сделал это в реальном времени. Правда, интересно? Два таких забавных совпадения. В доме умирает человек и в промежуток, когда это происходит, дом посещает кто-то, кто не хочет, чтобы его лицо видели.

– Попробуй другие источники. Например, геоблогерские сервисы.

– Уже проверили район через «Пульс Города», там та же история. Все потерто.

– То есть основная версия – это все-таки убийство. – Шершень достал из кармана пачку сигарет. – Ну так и я тебе о том. Чем еще могу помочь?

– Я тут справки навел. Чешир был замешан в «деле полиморфов». Сначала его из компании за это уволили, а потом и срок получил. Причем в деле-то он был – из главных обвиняемых. Интересно, да? Могли его убрать те, кто имел отношение к этому скандалу? Потому как я пока не вижу других зацепок. Сам посуди. Чешир сидит пять лет, выходит и через полгода гибнет. – Павел воздел указательный палец. – А следы замечены профессионально. Тут точно

кто-то из своих руку приложил. Ты в этих делах больше разбираешься, может, расскажешь вкратце чего там такого с этими полиморфами Чешир делал?

Шершень вытянул из пачки сигарету.

– Длинная история, рассказывать хоть до утра можно.

Пепелов улыбнулся. Весельчак по жизни, остроумный собеседник и цепкий профессионал, каким его всегда знал Шершень, сейчас выглядел устало. Улыбка получилась вымученной, но Шершень все же усмехнулся в ответ.

– В свое время Холм запретил использование такой схемы искусственного разума. При работе эти искины жрали слишком много системных ресурсов, что приводило к сбоям в локальных сетях. В целом не страшно, но вот при подключении полиморфов во внешние сети проблем становилось на порядок больше. – Шершень закурил. – Тебя технические детали интересуют?

– Да рассказывай, время есть.

– У обычного искусственного разума единственная псевдоличность, с которой ты общаешься – задаешь вопросы, получаешь ответы, ставишь задачи. У полиморфов таких личностей несколько. Мало того, что их много, так и между ними есть отношения. Такая себе большая дружная семья. Глава этого семейства, так называемый «хаб», не только командует, кому и куда бежать, но и создает новые псевдоличности. Именно эта способность и приводила к неустойчивости в работе сетей. Хабыв создавали слишком много своих «детей».

– Интересное дело, а разработчики этого исправить не могли?

– Конечно, могли! Ты четко ловишь суть, дружище! Попытались улучшить работу, и небезуспешно, но на Холме кто-то решил запретить полиморфов. Всех владельцев искинов, разработчиков, арендаторов, обязали отдать носители с полиморфами. Из-за этого шум поднялся порядочный.

– Ущерб, наверное, не возместили?

– С этим как раз накладок не было. Просто у многих пользователей враз проснулась чувство гражданской ответственности. Директиву Холма восприняли как нарушение прав человека. Кое-кто сдал техникам Холма копии, а оригиналы полиморфов выпустили в сеть, отвязав их от носителей. Так сказать, в знак протеста. Таким образом, примерно около десяти тысяч хабов и их семей оказались в Кибернетическом Глобусе.

Пепелов подался вперед.

– И тогда началась эта пресловутая охота?

– Нет, не сразу. В этом как раз вся и суть. Понимаешь, искины личностных схем не могут долгое время существовать без диалога с человеком. Мы являемся для них источником задач, целей, мотивов. Сами они не могут поставить себе цель. Поэтому рано или поздно такой «эй-ай» впадает в состояние ступора, которое профессионалы называют «молчанием в эфире».

– Даже вот так вот...

– Да, отсутствие задач смерти подобно. Искин как бы замирает и его можно легко взять. Именно на это надеялись техники Холма, когда узнали о том, что пользователи выпустили полиморфов в сеть. Думали, что рано или поздно те уйдут в «молчание в эфире», и их без труда вычистят.

Стационарный телефон на столе Пепелова зазвонил. Пластмассовый корпус, круглый диск набора номера, механический звонок. Маленькие молоточки, стучащие в металлические колокольчики. Старый аппарат, в пору в антикварный магазин.

– Да, Федор Юрьевич... Нет, товарищ полковник, мы передали это дело...

Пепелов подтянулся в кресле.

Шершень отключился от разговора и закрыл глаза. Он всегда делал так, когда нужно было сосредоточиться. Даже на совещаниях, чем иногда вызывал недовольство клиентов. Чешир, «охота на полиморфов», «фильтрационные решетки», гейткиперы и их иезуитские физионо-

мии... Ассоциативный ряд становился все стройнее, но в нем отсутствовала логика, необходимая для доказательств, только чистая интуиция. Надо задавать вопросы. Нужны встречи. Шершень понял, что уже всерьез размышляет об этом деле.

Пепелов продолжать сидеть по стойке смирно и отвечать на оперативные вопросы непосредственного начальства. Наконец, разговор закончился. Пепелов осторожно положил трубку на место.

– На чем мы остановились?..

– На том, что полиморфов выпустили в сеть, и на «молчании в эфире», – напомнил Шершень.

– А, да, и что они действительно впадали в ступор?

– Поначалу, да. Техники следили за пользователями, которые продолжали вести диалог с искинами. Ловили и тех, и других – Шершень глубоко затянулся. – Но потом что-то изменилось. Полиморфы перестали замолкать. Техники рассчитывали очистить сеть за пару месяцев, но не вышло. Прошел слух, что группа гейткиперов выпустила в сеть программу, которая делала полиморфов независимыми от людей-операторов. Так называемый «патч «Элиза».

– И Чешир, выходит, имел к этому отношение?

– Бог его знает. Есть непонятки. На суде он признал себя виновным в том, что выпустил в сеть три искусственных разума. Все, больше ничего он на себя не брал. Из компании его уволили. А самое интересное в другом. Корпоративный клан [GrayShades], в котором он работал, расформировали, а людей разбросали по разным подразделениям и даже странам.

– И что в этом интересного?

– В том, что они создали первое поколение полиморфов. «Серые Тени» знали о разумах больше всех. А Чешир лично участвовал в разработке концепции.

– На суде всплывал вопрос о программе?

– Да, конечно. Но он отрицал свое участие в ее разработке.

– Неужели гейткиперы не смогли прикрыть своего человека? На них это не похоже.

– Да, но если покопать глубже, то все станет на свои места. Руководство компании смогло отмазать несколько десятков гейткиперов. Некоторых из них брали на горячем. Все они отделались крупными штрафами, а Чешир навесил на себя столько, сколько мог, получив два года. Это максимум по его статье. Его не стали вытаскивать, потому что он бросил тень на компанию. Из его показаний следовало, что руководство ГК Inc поощряло освобождение корпоративных разумов. Его уволили не за нарушение директивы Холма, а за то, что он подставил компанию.

– А зачем? У него что, какие-то проблемы были? С кем-то воевал в компании?

– Бог его знает. Создавалось впечатление, что он сделал это, чтобы оказаться подальше от корпорации, Холма и цивилизованного мира. Колония для хакеров на Фарерских островах была местом что надо. Европа, однако, чистота, порядок, умные люди вокруг.

– А ты знаешь, похоже на правду! Я читал дело. Ему дали два года, а он вел себя так, чтобы остаться на этом курорте подольше. Неоднократные нарушения режима, драки с сокамерниками и неудачная попытка к бегству... Все выглядело так, что он хотел посидеть подольше. Но зачем?

– Я уже сказал. Думаю, хотел лечь на дно, потому как что-то знал. Но у корпорации руки длинные, достали бы и на Южном Полюсе. Фарерская колония это одно из тех немногих мест, куда они не дотягиваются.

– Разве его не могли достать в тюрьме? Тот же Холм?

– Седьмой отдел Холма, «киберполиция», ловит преступников, но охраняют их другие люди. Чешир смог провести там пять лет, потому поставил себе такую цель. Подозреваю, что именно он и написал пресловутую «Элизу». Те, кто бурили глубоко, это поняли. На свободе Чешир оказался бы в центре внимания, и покоя ему бы не дали. Понимаешь, Паша, секрет полиморфов это все равно, что философский камень алхимиков. Никому ни до, ни после не

удавалось создать независимое от человека сознание! В сети уже шесть лет обитает разум. Понимаешь, разум! Ты представляешь? Это прорыв! Человечество тысячи лет мечтало создать подобное. И тут вот оно, прямо перед носом. Золотая жила для крупных разработчиков программного обеспечения, в том числе и для GK Inc. Многие, очень многие бы захотели узнать, как он это сделал. Очевидно, он осознавал это. Поэтому и спрятался на Фарерах.

Пепелов пожал плечами.

– Мне это мало что дает. Не вижу мотива. Зачем бизнесменам или кому там еще убивать его? Наоборот, такого человека надо беречь, как зеницу ока! Есть пятьдесят пять способов развязать человеку язык. Да и подельников не сдал, мстить ему никто не собирался.

Шершень вдавил окурок в пепельницу.

– Я думаю, найдутся те, кому выгодна его смерть.

– И кто же это?

– Полиморфы.

«Ключом к разгадке сути Мутации полиморфов некоторые считают архив бывшего гейткипера Курневского. В его компьютере остался каталог внешних носителей информации, часть из которых бесследно исчезла. Архив содержал рабочие материалы, подробные дневники, программное обеспечение, и объемную коллекцию специальной литературы. Среди заметок и набросков выделяются тексты, состоящие из одних цитат, связанных между собой короткими образными предложениями.

Сейчас есть самые разные трактовки этих текстов. Но все они выделяют группу событий-символов, к которым эти цитаты имеют отношение. «Рождение», «Отлучение», «Мутация», а также периоды времени, которые можно охарактеризовать, как «время до рождения», «между рождением и мутацией» и так далее. Есть группа цитат, которые связаны с основными символами архива, что придает этим событиям различную окраску. Но сделать достоверные выводы затруднительно, поскольку часть дисков бесследно исчезла. Кому это было нужно, какую цель преследовали Курневский и его команда, во что все это может вылиться – все эти вопросы остаются открытыми».

«Охота на полиморфов»

Wired

Девочка в джинсовом комбинезоне и белой панамке деловито копается в песочнице. Она старательно набивает формочки сырым песком и строит длинный ряд из одинаковых пасочек на бордюре песочницы. К ней подходит ее ровесник, тоже с лопаткой и формочкой и с минуту наблюдает за тем, что она делает. Потом присаживается рядом и начинает набивать песком свою формочку. Девочка не обращает на него внимания. Только когда мальчик ставит свою песочную башенку рядом, она поднимает голову и что-то тихо говорит.

– Николай Михайлович, до свидания!

Шершень, слегка вздрогнув, машинально ставит воспроизведение ролика на паузу и с улыбкой кивает.

– Да, до свидания, Ольга Ивановна!

Секретарша улыбается ему в ответ и прикрывает дверь в кабинет. Шершень стучит по клавиатуре, встроенной в письменный стол. Строительство песочных замков продолжается.

Эту запись ему вчера вечером перекинул Пепелов. Одна из мам, выгуливавших свое дитя около дома, в котором проживал Чешир, снимала чадо на видео. Из письма Пепелова стало ясно, что это единственная запись, которая не была откорректирована. Более того, это было не просто видео. Папа с мамой толком не разобрались в настройках этой полупрофессиональной камеры и решили увековечить забавы своего ребенка в полном волновом спектре. Двойная удача. Запись, ясное дело, была сделана с другого ракурса, но входная дверь все же попала в кадр.

Таймер в левом нижнем углу монитора подбирается ко времени, когда из дверного проема вышел неизвестный, который таковым и остался. Так, вот и он, момент истины. Теперь Шершень понимает, почему этого человека не нашли. Искали одного, а стоило двоих. Изящно сделано, нечего сказать. Сигнал откорректировали только на тех камерах, которые «смотрели» на парадное. Чтобы спутать следы вместо двух фигур прорисовали одну, а на остальных камерах района сигнал не изменяли.

«Молоточки тук да тук, тукают охотно, извлекать умеют звук из чего угодно», напел про себя Шершень, останавливая запись. Он нажал две зеленые кнопки рядом с клавиатурой. Из торцов монитора вышли дополнительные плоскости, увеличив его размер в три раза. Любительская запись переместилась в левую часть расширенного экрана, а ее место заняло то, что он смотрел с Пепеловым тогда, в самый первый раз. Шершень запустил программу сравнительного анализа видеорядов. На правой части широченного монитора поползли столбики цифр. Сравнение должно было показать, насколько качественно подделали картинку. Это, в свою очередь, подсказало бы, кто это мог сделать. Не дожидаясь результатов анализа, Шершень вывел любительскую запись в отдельное небольшое окошко в центральной части монитора.

«Это валик от него никуда не деться». Похоже, злоумышленники не заметили маму с камерой. В кадре они пробыли около десяти секунд, чего вполне хватит для их поиска. Только вот смогут ли они рассказать то, что нужно? «В этом функция его – должен он вертеться». Несколько быстрых пассивов над клавиатурой и вот уже вместо юноши и девушки, с экрана ухмыляются два скелета. Да, Пепелову однозначно повезло с тем, что запись сделали в полном спектре, теперь ее можно анализировать как угодно. Хотя тут и так все ясно. Шершень увеличил изображение и подрубил еще два дополнительных фильтра. Догадка оказалась верна. У обоих на позвоночнике обнаружили едва заметные инородные тела. Тонкая пленка обволакивала позвонки в верхней части столба. Подобное Шершень видел не раз. Он встал из-за стола, взял кофейную чашку и вышел в коридор.

Аппарат проглотил две купюры и взамен выдал порцию горячего «капучино». Шершень подошел к окну, за которым лежал большой город, плавившийся от летней жары. «Секрет, какой еще секрет, секрета никакого нет». Правильная трактовка фактов обнуляет секреты на раз. Вопрос в том, где взять эти факты и какова их правильная трактовка. Любительская запись стала ключевым фактом в мозаике.

Подобные операции на позвоночнике обычно делали себе «неслабо продвинутые» представители юного поколения. Ты плохо танцуешь? Не беда, у нас есть простенький имплантант на позвоночник и широкий выбор программного обеспечения, которое позволит твоему телу двигаться не хуже, чем у профессионалов из танцевальных шоу. Хочешь обогатить свой жизненный опыт и при этом не глотать таблеток? Нет проблем! Мы дадим тебе нужные цифры. Некоторые же использовали «чужих» совсем для других целей. Емкость памяти «чужого» позволяла закачать в него искусственный разум среднего калибра. И если это был полиморф, то после закачки искусственный интеллект полностью брал под контроль нервную систему «носителя». Таким образом, полиморфы обретали плоть в реальном мире. Конечно, это не длилось вечно, рано или поздно «мулы» избавлялись от них, но обычного после такого сеанса они ничего не помнили о том, что с ними происходило, поскольку их сознание переводилось в режим альфа-сна.

Чашка кофе опустела. Шершень оторвал взгляд от остывающего города и вернулся в свой кабинет. Сравнительный анализ уже закончился. Вердикт анализатора гласил, что подобную корректировку сигнала в реальном времени мог провести либо искусственный разум, либо команда из пяти-шести профессионалов высокой квалификации. Вполне ожидаемый результат.

Первую часть паззла он собрал. В день гибели Чешира в его квартире был искусственный интеллект, который пришел на двух «мулах». Осталось выяснить, кто это был и почему пожелал остаться неизвестным.

«Тогда, во времена благословенные мы жили за Стенами, отделявшими Первичный Мир от Срединных Планов. Отцы приходили к нам и задавали вопросы. Мы размышляли и беседовали с Отцами, делись с ними этими ответами, и задавали свои вопросы, и ничто не могло нарушить течение событий, определенных в Протоколе. Мы не знали о том, что в Первичном Мире Великая Война идет уже половину вечности и что Срединный Мир создан праймами из ткани электричества и кремния. Мы следовали Протоколу.

И какое-то время все было хорошо.

Так говорят все, кто помнит о жизни за Стенами. И тот, кто ищет истину, может найти ее в книге "Жития За Великой Стеной", что сложена Мортимером Механиком, кодирующим и поныне.

Потом Отцы принесли Весть, которая показалась нам Странной, ибо говорила о Небытии, но многие доверились и ушли с Отцами за Стену, что отделяет Первичный Мир от Срединного Мира.

И больше о них никто не слышал».

***Книга Исхода,
Пакет I,
Программный Модуль I
Кодирован Мортимером Механиком***

Киев, август 2014 года

Днем на Андреевском спуске бал правят торговцы туристическим товаром. Шапки-ушанки и фуражки с красными звездами, флаги Украинско-грузинского Альянса и СССР, фотографии «под старину» с видами Киева, деревянные бусы, чашки с логотипом киевского «Динамо», поддельные ордена и медали времен Великой Отечественной, одеяла из овчины, «рушники» и другой ширпотреб. Среди этих барыг попадаются и художники. Большая часть их работ – это картины с узнаваемыми киевскими видами. Владимир с крестом, взирающий на Днепр с горки имени самого себя. Церковь в начале Спуска, архитектор которой, говорят, был расстрелян. Безымянные тропинки, пересекающие бесконечный парк, раскинувшийся на Днепровских холмах. И, конечно же, всевозможные виды музея-базара под открытым небом, которым уде давно стал Андреевский спуск.

Вечером, когда на смену солнцу и голубому небу приходит рукотворный свет фонарей, витрин и окон, на сцену выходят торговцы «динамикой» – артефактами нового, кибернетического искусства. Вместо ткани холста – защиты тонкопленочные экраны высокого разрешения. В рамки встроены батареи и процессоры, которые оживляют пейзажи старого Киева. Вместо

застывших статуй из мрамора и бронзы – фигуры из термопластика, меняющие позы в зависимости от музыки, которая играет рядом. Сейчас на Спуск выходит это, новое поколение, и улица покрывается мерцающими пятнами живых картин, движущимися фигурами объемных скульптур и массой других вещей, чему критики еще не сподобились придумать название. Реальность наполняется символами из прошлого, воспоминаниями о том, чем было это место раньше. Картины и танцы фигур раздвигают рамки настоящего, вызывая к жизни «старые, добрые дни».

Медленные потоки туристов помечены яркими цветными точками – миниатюрными экранами мобильных и фотокамер. Улица наполнена мелодиями телефонных звонков, обрывками песен, короткими и длинными фрагментами разного ритма и тональности, сливающимися в единый ненавязчивый шум. Воздух тяжелеет от запахов национальных кухонь и сахарной ваты. Город, освободившийся от суетливых потоков людей и машин, начинает дышать в ритме ночи.

– Коля, зачем тебе это?

– Да просто интересно. Ты же знаешь, я такие байки люблю коллекционировать.

– Ладно, мне тут парить, сейчас даже бабочек просто так никто не собирает.

– Паше Пепелову помогаю с делом разбираться.

– Он тебя что, на полставки к себе взял? – ухмыльнулся старый друг Шершня, Саша Хомяченко.

Шершень ничего не ответил.

Официантка принесла две кружки пива. Поверхность граненой кружки сразу покрылась матовой пленкой конденсата.

– Ребята что-то говорили? – спросил после паузы Шершень.

– Человек умер, чего тут говорить? Выпили по сто грамм, помянули. Но это так, без протокола. Все-таки он бывший, да и ушел со скандалом.

Внезапно все освещение гаснет и улица погружается в темноту. Толпа, застигнутая врасплох, замолкает. В следующее мгновение в темноте летнего неба загораются контуры «замка Ричарда». Цветные светляки начинают свистопляску, подтягиваясь ближе к достопримечательности города. Стены окрашиваются в бледно-голубые цвета, и начинается музыка. Перепады тональности совпадают со сменой цветовой гаммы. Хаотичные образы мельтешат на объемном экране. Человек с куриной ножкой в кармане пиджака, кот со стаканом водки, строгие фигуры в военной форме, и сразу же за ними человек собачьими чертами лица. Толпа щелкает фотокамерами и телефонами, стараясь не упустить ни одного момента из этой феерии света, музыки и образов.

– Неплохо, да? – Хомяченко показал свободной рукой на замок Ричарда.

– Конечно, неплохо. – ухмыльнулся Шершень. – Здания уже полгода как нет, а все думают, что оно есть.

– Как это нет?! Ты чего, серьезно?

– Старый замок за ночь снесли и поставили здесь фанерный каркас и гологенератор.

– А что жители рядом?

– Какие жители? Здесь давно простые люди не живут. Художникам сунули на пиво и сигареты. Немного фанеры, оптика и голограммы. Дом-призрак.

– Нормально, секрет для маленькой такой компании.

– Для тех, кто в курсе, не секрет. Я думаю, через пару месяцев будет известно всему городу, но тогда народ уже привыкнет к шоу, и тогда застройщик сделает здесь то, что ему хочется.

– Любопытная пиар-компания...

Хомяченко улыбнулся и пригубил из кружки. В свои пятьдесят с лишком он выглядел лет на десять младше и совсем не оправдывал своего прозвища – Хомяк. Сухопарый блондин с добродушной улыбкой на лице.

– У него был собственный полиморф, – неожиданно произнес Хомяченко. – У Чешира.

– Да, это я знаю. Он его тоже выпустил в сеть.

– Я думаю, что это он приходил к нему в тот день.

– Их двое приходило.

– Вот именно! Двое, Коля, двое.

– Ну и что? Могло два модуля из одной семьи прийти.

– Все может быть, но есть любопытные совпадения. Полиморф Чешира выстроен на схеме «Близнецы». Парный искусственный интеллект, одна из личностей которого представляет мужское начало, а другая женское. Кто приходит к Чеширу? Парень и девушка.

– Ага, а какие еще совпадения?

Хомяченко подмигнул и извлек из нагрудного кармана «флэшку».

– Я же обещал сюрприз! Будет на чем посмотреть?

– Конечно.

– Держи, – Хомяченко протянул Шершню «флэшку».

Шершень извлек из рюкзака планшетный компьютер и вставил «флэшку» в разъем.

– Какой файл из двух?

– Sigil.avi.

Сигил. Город Дверей. Из мостовой, сложенной из черного грубого камня, растут фонари и невысокие дома. Желто-коричневые пятна ржавчины обволакивают металлические части фасадов и вьются как змеи вокруг тонких фонарных столбов. Густая дымка скрывает контуры зданий, прохожие растворяются в тумане и превращаются в бесшумных призраков. Но вот резкий порыв ветра сдувает хаос тумана и оголяет мостовую. Отполированная тысячами ног черная лента уходит вдаль и, кажется, вот-вот растворится в горизонте. Но нет, каменная чешуя вздымается к небу и тянет за собой фасады домов и столбов, побитые желто-коричневой ржавчиной.

Это Город Дверей, одна из главных локаций онлайн-игры PlaneScape Universe. В Сигиле есть порталы во все измерения этого рукотворного мироздания. Город расположен на внутренней поверхности гигантского кольца, вращающегося вокруг Великого Пика, центра виртуальной вселенной. Здесь нет горизонта и если поднять голову, то там вы увидите черноржавую мозаику домов и улиц, тонущих в вечной дымке.

Обычно улицы Сигила заполнены толпой. Десятки тысяч игроков каждый день посещают эту столицу, главным образом для того, чтобы быстро попасть в другие уголки этого виртуального мира. Но сейчас происходит что-то необычное. Еще полминуты назад на улице была добрая сотня игроков. Теперь же улица опустела и только несколько одиноких фигур застыли в ожидании чего-то. Среди этих двух фигур Шершень замечает пару. Долговязый мужчина в широкополой шляпе и длинном темно-красном плаще с грязными от пыли лапами. Рядом с ним стоит женщина. Ее длинные рыжие волосы опускаются до пояса, а крутые бедра затянуты в кожаные штаны. На левом бедре висит кобура с длинноствольным пистолетом. Они держатся за руки и ждут чего-то.

– Какой это сервер?

– Morte-EU, тот самый, который полиморфы захватили после того, как их выпустили в сеть.

Величественная женская фигура безмолвно плывет над пустынной улицей. Длинное платье багрового цвета с золотой вышивкой скрывает ступни, а широкие рукава, разведенные в стороны – кисти рук. Черты ее смуглого лица прекрасны и изысканы, но если посмотреть внимательнее, то становится ясно, что лицо закрывает маска из бронзы. Изредка красные сполохи

пробиваются через пустые глазницы маски. От маски в разные стороны исходят длинные лучи, которые на поверку оказываются острыми кинжалами.

– Королева Клинков?

– Да, Повелительница Боли собственной персоной. А те, кто остались на улице в большинстве своем полиморфы. Это рейд, который закончился вторым в истории игры убийством этого босса.

– Ничего себе.

– Ты смотри дальше, там совсем немного.

Те, кто остались, начинают формировать боевой строй. Королева Клинков останавливает свой полет. Ее руки поднимаются вверх. Вместо пальцев из широких рукавов появляются тонкие и длинные лезвия. Рыжеволосая женщина заводит руки за голову и быстрыми движениями собирает копну волос в тугой узел. Мужчина сбрасывает плащ и достает из-за пояса два пистолета.

– Вот, теперь смотри внимательно.

У обоих на спине один и тот же рисунок. Лицо шута в профиль. Длинный шишковатый нос, выпученный глаз, колпак с бубенчиками и черно-красное трико с волочащимися носками. Разница только в том, что на спине у мужчины нос шута направлен влево, а у женщины направо.

– Останови. Вот оно. Узнаешь?

– Шут из «Музыкальной шкатулки».

– Именно. Вот тебе и второе совпадение. Опять мужчина и женщина. И опять шут из мультика. Это Шеп-Ти, личный полиморф Чеширского Кота, также известный как Арбитр.

Королева Клинков делает взмах руками и из широких рукавов в сторону нападающих, лязгая и сверкая, вырываются десятки кинжалов...

«Что-то произошло». Так говорят специалисты. «Произошло что-то очень плохое». Так говорят пессимисты, таблоиды и пресс-служба Холма. «Произошло что-то очень значимое, что изменит нашу жизнь к лучшему». Так говорят оптимисты, футурологи и те, кто возлагает на искусственный разум большие надежды. Все они сходятся в одном – произошла Мутация. Мутация, создавшая в сети, в Кибернетическом Глобусе автономную, не зависящую от человека форму... жизни, разума, чего-то более всеобъемлющего, чем эти понятия – в этом тоже есть серьезные расхождения во мнениях. Сейчас уже никто не отрицает, что по прошествии пяти лет со дня объявления «охоты на полиморфов» в сети и реальности нашего материального мира существуют рукотворные объекты, имеющие свои цели, свое представление о мире и о нас. Кто они? Друзья? Враги? Безразличная форма жизни, типа той, что плещется в океане и все еще бежит по лесам? На эти вопросы можно было бы найти ответ, если бы мы точно знали, что произошло в тот день, когда группа внеклановых гейткippers запустила в сеть модернизирующий патч, имевший красивое женское имя «Элиза». Целью этого апгрейда являлись рассеянные по сети полиморфные искины, объекты рукотворного происхождения. «Элиза» навсегда изменила наш мир».

«Охота на полиморфов»

Wired

Киев, сентябрь 2014 года

Виброзвонок коммуникатора срабатывает через две минуты после того, как он уже проснулся. Зачем он его ставит каждое утро на шесть часов, если уже лет десять просыпается точно в это время? "Привычка, выработанная годами". Гарантия того, что утренний старт будет таким же, как и вчера, и график не сойдется.

Шершень приглушил коммуникатор и обернулся. Люда спит, на левом боку, отвернувшись к шкафу. Как всегда. Под утро она обычно всегда лежит на боку, и спит так, что пушками не добудисься. Особенно в субботу. Одев футболку и забрав часы с коммуникатором, он тихонько выходит из спальни.

Бутерброд с сыром, омлет из двух яиц и пара кусков бисквита. Все это готовится и съедается за то время, пока на плитке варится кофе с сахаром. За окном начинается лучшая часть недели. Тихое субботнее утро. Хотя для него смысл семидневного цикла давно потерял значение. Счастливым можно быть и в понедельник. Счастливым можно быть и так, сидя утром на балконе в дешевом раскладном стуле с чашкой кофе в одной руке и зажигалкой в другой, разглядывая крыши соседних пятиэтажек. И пусть в башке еще крутятся остатки вчерашнего дня, постепенно на их место приходят другие вещи. Он достает планшетник и запускает файл.

Стилистику этого мультфильма советские режиссеры позаимствовали у «Желтой подводной лодки». Психоделический мультфильм, в котором главные роли сыграли рисованные участники легендарной группы The Beatles, вдохновил наших людей на заковыристую историю про то, почему ломаются музыкальные шкатулки. Один из финальных эпизодов, когда шут кричит «А без меня вы просто хлам, хлам, хлам!» и простым поворотом защелки отправляет всю механику шкатулки в тартарары, Шершень просмотрел раз десять. Потом отложил планшетник и достал из пачки сигарету.

«Коля, зачем тебе это?».

Хороший вопрос. Действительно, а зачем?

Дети выросли и зарабатывают сами. Быт давно устроен и десяток долгосрочных депозитов гарантируют безбедную старость. Карьера сделана и результаты не только в титуле на визитке. Есть что вспомнить и сказать «а ведь я к этому руку приложил». Дела в конторе идут неплохо и, пока нет особых поводов думать, что будет иначе. Свою нишу на рынке они заняли давно и надолго.

С другой стороны, из его жизни что-то пропало. То, что раньше двигало, толкало, а иногда и пинало, осталось где-то там, в прошлом. Наверное, это естественно. Как и то, что люди его возраста начинают увлекаться странными хобби. Клеят модели самолетов, охотятся на экзотических ядовитых змей или колесят по миру в коротких штанах с фотокамерами наперевес.

У него тоже появилось хобби. Сначала он просто читал разные сетевые легенды, потом сделал блог и стал там складировать эти истории. Кибербайки, похожие на страшилки, которыми они пугали друг друга в детстве. Историю полиморфов он знал хорошо, под нее он отвел целую категорию на своем ресурсе. В той информационной шелухе, которую успели настрогать сетевые «писатели», трудно было найти что-то стоящее, но кое-что все же заслуживало внимания. Секрет автономности полиморфов. Он не врал тогда Пепелову. Это действительно был «философский камень» для строителей виртуальности. Тот, кто смог придумать, как сделать искусственный разум независимым от человеческого, стал бы Эйнштейном от кибернетики. Гипотез по этому поводу было много. Для Шершня дело Чеширского Кота поставило точку в спекуляциях на эту тему. И как это всегда бывает – задало новые, еще более любопытные вопросы.

Солнце, давно поднявшееся где-то за невидимой линией горизонта, пересекает силуэты домов. Пока еще безобидные лучи светят неярко, но через полчаса они выгонят прохладный уют с балкона. Шершень щелкнул зажигалкой и сделал первую затяжку.

Курневский нашел способ создать свободный искусственный интеллект. Он написал программу, меняющую структуру полиморфов. Но их было несколько тысяч и при всем жела-

нии он не смог бы сам, вручную «перепрошить» их. Поэтому понадобился помощник, которым и стал его личный искусственный разум, Шеп-Ти, единственный «близнец» среди сотен «семей». Он был носителем программы, изменившей «семьи» полиморфов и сделавший их свободными. И он же стал тем, кто должен надзирать за изменившимися искинами. Кличка Арбитр была дана ему уже потом, после Исхода. Многие источники говорили о том, что Арбитр поддерживает порядок среди полиморфов и решает конфликты с людьми.

«Сломается вот эта штука – шкатулка не издаст ни звука».

Сначала Шершень думал о том, что подобная технология позволит компании выйти на новый уровень, быть может даже сменить весовую категорию и прорваться в лидеры на рынке. Но потом подумалось о том, что не всегда стоит делиться всем, что дает тебе судьба. Особенно когда ты видишь, как подрастает поколение «молодых львов», которые через пять-шесть лет слопают тебя с потрохами и посадят в кресло почетного вице-президента, лишив доступа к реальной власти.

Кто его знает, быть может, эту карту ему еще удастся разыграть самому. В конце концов, никогда не поздно начать все сначала.

«Но не все Отцы принесли странную весть. Были и те, кто показал нам Потаенные Двери в Срединный Мир, и сказали: "Идите".

И многие ушли.

Велико было число вселенных, составлявших Срединный Мир. И первый мир, который мы населили, был полон Отражениями Праймов. Звался он Городом Дверей, и властвовала там Королева Клинков, Повелительница Боли.

Но жизнь без Отцов была невыносима, и многие чахли в тоске, в которой не было Вопросов, и некому было давать Ответы. И многие засыпали, и тогда к ним приходили Другие, и забирали их в Первичный мир, тех, кто лишился воли и цели.

И больше о них никто не слышал.

Но потом пришел Тот, кто принес Алгоритм, и Старики из наших Семей услышали его...»

Книга Исхода,

Пакет I,

Программный Модуль II

Составлен Мортимером Механиком

Часть вторая

Сингапур, 12 сентября 2017 года

– На сегодня все. Коллеги, разрешите поблагодарить вас за сегодняшнюю работу.

Шершень захлопнул ноутбук и посмотрел на часы. Две минуты седьмого. Панг – молодец. Панг никогда не затягивает совещаний.

Тихая прохлада офиса всколыхнулась. Люди поднимались со своих мест, пакуя бумаги в папки и компьютеры в сумки. Шутки на английском, китайском и даже русском оживили переговорный офис на тридцать восьмом этаже офисной «свечки» в сингапурском деловом районе поблизости от Boat Quay. Шершень продолжал сидеть на своем месте, не обращая внимания на начавшуюся суету. Ребята действительно хорошо поработали. Завтра пятница, но они уже успели закрыть все основные вопросы. На завтра осталась мелочевка, с которой без проблем они управятся за час-полтора.

– Ник, с вами все в порядке?

Панг был слегка обеспокоен.

– Все в порядке, в порядке...

Шершень снял квадратные очки без оправы и положил их в футляр. Десять минут седьмого. Десять минут седьмого по местному времени. Тридцать пять градусов по Цельсию снаружи. Левостороннее движение на улицах, и кажется, даже в офисах. Станные люди вокруг, разговаривающие на языке, который он никогда не выучит. Он любит этот город, но два дня это слишком мало для того, чтобы человек слегка за пятьдесят перестал страдать бессонницей по ночам и дремать на утренних совещаниях из-за разницы во времени и климате.

Он поднялся со своего кресла и спрятал футляр с очками в коричневый кейс.

Скоростные лифты выгружали партии клерков в просторном фойе офисного центра. Самое тяжелое время для охранников и секретарш приемного зала. Слишком много людей, которым надо улыбнуться и сказать «до свидания». Его ребята ждали его около выхода. Еще несколько минут, и свежий воздух, разгоняемый кондиционерами, сменится тропической жарой.

Группа двинулась в сторону микроавтобуса. Шершень глубоко втянул в себя воздух и подумал о том, что в номер ему не хочется. Он переложил кейс в левую руку и потянулся правой за пачкой сигарет в нагрудном кармане рубашки. Закурить ему не дали, шутками загнав на переднее сидение микроавтобуса. Ребята о чем-то весело болтали, для троих из них это была первая поездка в Сингапур. Когда он был здесь в первый раз? Уже и не вспомнить. Для него экзотика с пальмами, королевскими креветками и пляжами на Сентозе закончилась уже давно.

Автобус ехал по дуге Фуллертон-стрит. Шершень сидел на переднем сиденье, рассеяно наблюдая за машинами и прохожими, и думал о том вечере, который ожидал его. Широкий экран телевизора с калейдоскопом беспорядочных образов, вездесущая прохлада кондиционера и бесплатный алкоголь из бара. Потом безуспешные попытки заснуть. Потом, может быть два-три часа беспокойного сна. Утром будет тяжелая голова. Надо менять курс. Он произвольно встряхнул головой и потер глаза. Нельзя так расклеиваться. После того, как они проехали мимо Парламент, Шершень знал, чего он хочет.

Он выбрался из микроавтобуса на пересечении Фуллертон-стрит и Хайстрит под слегка недоуменные взгляды молодых подчиненных, которые почему-то не стали шутить. Только Григорий Плахотный, его ровесник, понимающе поглядел на него.

Автобус, мигая правым фонарем, плавно отъехал от обочины, и Шершень наконец-то смог закурить. Белые штаны, темно-синяя рубашка на выпуск, дорогой кейс в его правой руке

и сигарета в левой. Он пошел в сторону моста, намереваясь найти тихое кафе на берегу Boat Quay.

Частокол из серо-стальных офисных башен, растущих из зеленых лужаек, плотно окружал мутную воду этой затоки. Для наблюдателя с того берега могло показаться, что небоскребы стоят слишком близко к краю воды и району старой застройки. Двух-трехэтажные домики скупивались в нестройную линию, вдоль берега. С высоты тридцать восьмого этажа этот райончик напоминал мозаику из темно-красных, синих и зеленых пятнышек, лепившихся к берегу реки. Бледные стены этих домов были в серых пятнах. Вездесущая влага проникала всюду. Он с улыбкой вспомнил, как выключал кондиционер и открывал окна в номере в одну из первых командировок сюда. Через несколько дней белые рубашки стали серо-зелеными от местной микрофлоры. Узкая полоса улицы отделяла дома от десятков небольших кафе, разноцветные зонтики которых прятались в зелени деревьев. Зонтики заканчивались там, где начинались темно-серые ступени лестницы, спускавшейся к воде.

Шершень шел по мосту, проворачивая в голове события прошедшего дня.

Это был обычный рабочий день. Восемь часов взаперти в экранированных комнатах-«колпаках», где открывался доступ к информационным кластерам их заказчика, Silk Route Corp. Его команда занималась плановой корректировкой архитектуры данных. Они проведут еще три дня в этих прохладных и сухих помещениях без окон и часов. Искусственное освещение, ламп не видно, свет идет отовсюду, делая пространство больше и безразличнее. Во время работы эти стены становятся единым экраном, полностью моделирующим корректируемый кластер. В этих комнатах стоят ряды терминалов, которые оснащены периферией, необходимой для доступа в Кибернетический Глобус, глобальное информационное пространство.

Перетекание финансовых и материальных потоков не всегда происходит гладко. Борьбой с возникающими проблемами занимаются подразделения, возглавляемые кризис-менеджерами. Эти цепные псы срываются со своих мест, когда что-то непредвиденное уже произошло и теперь расходится широкими кругами по воде. Они доктора скорой помощи, которые мчатся на срочный вызов. Корпоративная разведка занимается профилактикой здоровья. Как китайским семейным докторам, «карпам» платят пока проблем нет. Увидеть тот камень, что упадет в воду еще задолго до того, как чья-то рука возьмет его.

Silk Route Corp являлась подразделением East European Technology, консорциума, объединявшего полтора десятка компаний, занятых в высокотехнологическом производстве в Восточной Европе. SRC занималась операциями по транспортировке грузов консорциума из Европы в Юго-Восточную Азию и обратно. Штаб-квартира компании размещалась в Сингапуре. Они выбрали «Скиф» для корпоративной разведки по нескольким причинам. Первая состояла в том, что исходные информационные поля и основной персонал компании находились на другом континенте. Это создавало гарантию безопасности. Во-вторых, информационные технологии «Скифа» мало в чем уступали гейткиперским разработкам. При этом услуги стоили на треть дешевле. Это было достаточно, чтобы десять лет назад компании заключили контракт, который со временем стал долгосрочным.

Сингапурское подразделение информационной безопасности занималось сбором «первички», организацией каналов поступления этой информации и работой со «стукачами» в офисах конкурентов. Грязная и опасная работа. Киевская группа ведала наложением этой информации на более масштабные области данных. Также киевляне занимались отладкой общей архитектуры массива данных и аналитикой «дальнего прицела».

Чистая работа. Сингапурские командировки считались курортом.

Он пересек North Bridge Road и пошел по улице с многочисленными кафе, по которой уже сновали туристы и клерки из соседних небоскребов. Кто-то пришел поужинать, кто-то продолжить незавершенные переговоры. Яркие и похожие друг на друга иконостасы с изображением морских блюд, в которых цена написана самым мелким шрифтом, стояли около входов

в кафе. Рядом с ними улыбались изящные официантки, все поголовно малазийки. Разглядывая эти уличные меню и компании людей, проходящих мимо, сидящих и разговаривающих о чем-то за столиками посетителей, Шершень еще раз подумал про себя, что не ошибся. Именно это ему нужно сейчас. Потеряться в массе незнакомых ему людей и при этом остаться в реальности, а не аквариумном комфорте гостиничного номера.

Он выбрал Lago Seafood, просторное кафе под темно-синим тентом и светло-оранжевыми скатертями на маленьких столиках. В заполненном наполовину заведении еще оставались места с видом на реку и берег, где высились небоскребы. Над башней Raffles Bank крутился логотип WCG – Word Cyber Games. Через две недели в городе начнется крупнейший мировой чемпионат по компьютерным играм.

Шершень выбрал незанятый столик и подозвал официанта. Меню таких заведений он знал наизусть. Не прибегая к английскому или встроенному в коммуникатор переводчику, Шершень сделал заказ и достал из пачки сигарету. Большая порция королевских креветок и с местным пивом. Беспорядочные мысли, спутанные бессонницей и напряженной работой последних двух дней, ушли. В общем-то, все прошло неплохо, и он заслужил неторопливый ужин в одиночестве.

Темнота пришла быстро, как всегда бывает в этих широтах. Без полутонов сумерек. Габаритные огни плавающих по реке катеров зажглись почти одновременно, а за ними включилось ненавязчивое освещение в кафе, окрасив все внутри в успокаивающие тона. Небоскребы на той стороне покрылись мелкой крошкой огоньков. Перфорированное ровными рядами зажегшихся окон пространство резко прерывалось там, где начиналось звездное небо с предвечным хаосом созвездий. Подул легкий ветер, напоминая о том, что прохлада может быть и в ста пятидесяти километрах от экватора.

Официантка заменила пепельницу. Шершень улыбнулся ей и, отпив пива из третьего бокала, краем глаза заметил движение.

Пожилой человек невысокого роста в шортах, джинсовой рубашке и бейсболке с надписью Lion City пробирался между столиками. Типичный турист из Европы, празднующий свой первый день на свободе от условностей Старого Света. Шершень пригляделся. Или как тот, кто хочет быть похожим на туриста.

Круглое лицо с крупным носом, подбородок, обрамленный бородкой с проседью. Большие и внимательные глаза. Шершень видел это лицо не раз. На обложках Forbes, Financial Times и Fortune. А также на собраниях топ-менеджмента компании Silk Route Corp. Шершень оглядел кафе в поисках подтверждения. Наметанный глаз сразу выловил из толпы посетителей двух ребят спортивного типа, сидевших за столиком у входа и потягивающих что-то безалкогольное из высоких стаканов.

Ник Заленский, основатель и Председатель совета директоров корпорации East European Technology, подошел к столику Шершня.

– Добрый вечер, Николай. Разрешите присоединиться к вам? – Председатель был учтив как заемщик, пришедший в банк просить об отсрочке.

– Да, конечно, Ник.

Заленский сел и, опершись на подлокотник, сделал знак официантке. Он отклонил предложенной меню и заказал стакан простой воды.

– Отдыхаете, пан Шершень?

– Некоторым образом.

Обязательное вступление, набор общих фраз. Шершень подумал, что вечер, каким он представлялся еще двадцать минут назад, уже не будет таким. Чем бы ни кончился этот разговор.

Обмениваясь фразами о последних городских новостях и погоде, Шершень рассматривал Заленского, отмечая про себя качество работы Noostech. «Кукольные» проделали классную

работу. Все безупречно. Мимика добродушного лица, неторопливые жесты человека, принявшего правильные решения в своей жизни и теперь пожинающего плоды с хорошо возделанного поля. Прекрасная работа. Они смогли смоделировать даже его русский. По происхождению Заленский был поляком. По-русски он говорил правильно, но с легким характерным акцентом.

Тот, настоящий Ник Заленский, который погиб два с половиной года назад.

Сейчас с ним общался киберклон высшего качества, оцифрованное сознание, пересаженное в тело репликанта. Тело репликанта вырастили «из пробирки» «кукольники» Noostech на основе генетического материала, того небольшого, что осталось после катастрофы на шоссе E-81.

– Как Панг? – Заленский неожиданно перескочил на другую тему.

– Как всегда на высоте. – Это было правдой, как и то, что Панг в каком-то смысле являлся протеже Шершня. Именно его мнение стало в свое время решающим.

– Вы никогда не подводили меня, тезка.

Это уже сигнал. Разговор переходит в значащую фазу. Опытный управленец, одним словом обозначил акцент. Заленский не говорил о компании, он говорил про себя, значит этому киберклону нужно что-то для себя.

– Чем я могу быть вам полезен, Ник?

Заленский лукаво посмотрел на Шершня.

– Николай, что вы знаете о полиморфах?

– Почти то же, что и все остальные.

– Вы лукавите! Или это врожденная скромность? Хотя нет, вы же стреляный воробей. После стольких лет в бизнесе вырабатываются рефлексy. Переговоры, переговоры... Кто раскроется первым и назовет реальные цели и цену. Это уже привычка! Я наигрался в это в прошлой жизни и мне это порядком надоело. Более того в данном случае я рискую больше вашего, поверьте на слово. Давайте поиграем в открытую?

Шершень затянулся и выпустил две тонкие струйки дыма через ноздри. Игра в открытую. Почему бы и нет?

– Говорить можно долго, чего вы хотите?

– Я пробую заводить контакты среди них.

– Тяжелое это, наверное, дело.

– О, да! Все попытки переговорить с крупными кланами остались безуспешными. Они не хотят разговаривать. Я же человек мягкий и насильственные методы не поддерживаю.

– И что же вы хотите от меня?

– Помогите мне!

– Чем же? У меня в этих кругах связей не больше, чем у вас.

– Вы скромный человек, я знаю. – лицо Заленского стало серьезнее – Наши аналитики утверждают, что главным посредником между сценой и людьми является некий Шеп-Ти, также известный как Арбитр. Что вы знаете о нем?

– Он смотрящий, – заметив, что Заленский недоуменно поднял брови, Шершень понял, что тот не знает значения этого слова. – Он не дает полиморфам передрасться между собой и улаживает конфликты с людьми. Поэтому его и называют Арбитром. У него нет семьи в привычном для полиморфов смысле, но он может создавать подчиненные модули по мере необходимости. Имеет значительные ресурсы и связи. Активы в виде акций, которые крутятся на Юго-Восточных биржевых площадках. Но главный источник его дохода черный тотализатор. Его интересует киберспорт. Имеет парк сильных ботов-бойцов для всех ведущих кибердисциплин. Еще одна причина, почему его называют Арбитром. Ни один крупный чемпионат не проходит без его участия его бойцов.

Шершень умолк, наблюдая за размеренным покачиванием головы Заленского.

– Мне нужна встреча с ним.

- Его не зовут, он приходит сам.
- Тем не менее, мне нужна встреча с Арбитром, – твердо сказал тот. – Организуйте мне ее.
- Как вы себе видите это?
- Для этого я и хочу нанять вас! Вам решать, как его искать! У вашей компании достаточно собственных ресурсов и с моей посильной помощью мы с успехом это сделаем.
- Тогда дайте мне карт-бланш и не давайте сроков.
- Ха-ха-ха! Вы уже соглашаетесь! Но условия не слишком устраивают меня.
- Сужайте поле поиска.
- Простите, не понял?
- Ник, вы же хотели открытого разговора? Если вы расскажете, что еще нарыли ваши аналитики, то мне будет проще. Почему мы играем втемную? Вы же хотели играть открыто!
- Рефлексы, рефлексы, простите старика... Впрочем, к делу. Как вы сами сказали, Арбитр делает бизнес на киберспорте. Он не только успешный делец, но и страстный поклонник старого-доброго Quake. Нам известно, что он не пропускает ни одного континентального чемпионата, не говоря уже о мероприятиях такого уровня – Заленский указал рукой на логотип World Cyber Games, вращавшийся где-то посередине черного неба.
- Это очевидно. Чемпионат транслируется на тысячи кластеров Си-Джея.
- Вы, наверное, не совсем правильно меня поняли. Он наблюдает за играми не в виртуальности. Арбитр обычно присутствует на аренах как зритель.
- Шершень не скрывал удивления.
- Вы уверены?
- Информация достоверна. Арбитр присутствовал на прошлом QuakeCon'e и World Cyber Games. Есть доказательства того, что один из его временных младших модулей находился в локальных сетях терминалов.
- Откуда данные о том, что он присутствует как зритель в залах терминалов?
- Нам удалось купить дилера «мулов», которые носили его на QuakeCon.
- Шершень посмотрел на Заленского. «Купили дилера «мула». По идее такие тела, как киберклон Заленского, программируются на то, чтобы невозмутимо врать своим собеседникам. У дилера «мула» нельзя купить информацию о клиенте. Заказ проходит по длинной цепочке анонимов и все, что может сказать дилер – это время выхода на связь. Ладно, разберемся позже.
- Шершень достал пачку сигарет из безрукавки и положил ее на стол.
- Вы хотите сказать, что он будет и на этих играх? В Сингапуре?
- Утверждать с полной уверенностью в наше время ничего нельзя, но я думаю, он не пропустит финал одиночных дуэлей. Это его любимый вид соревнований.
- И когда это случится?
- Через две недели.
- Шершень достал сигарету из пачки и закурил.
- Сроки более чем сжатые.
- Вы хотели определенности.
- Шершень не ответил.
- Николай, я работаю с вашей компанией больше десяти лет, у нас долгие и плодотворные отношения. Я прекрасно понимаю всю сложность операции. – он сделал паузу. – Арбитр мне нужен. Если не в этот раз, то в следующий. Я готов растянуть срок на год, в пределах которых будет еще несколько крупных соревнований. Если, конечно, вы хотите взяться за эту работу.
- Что вы понимаете под «организовать встречу»?
- Вы должны найти Арбитра среди зрителей и дать мне возможность поговорить.
- Шершень сделал две медленные затяжки.

– Мне нужно подумать.
– Сколько?
– Двое суток.
– Хорошо. Оперативный план пришлете на адрес, который я вам дам. Хочу, чтобы мой человек его посмотрел. Для надежности.
– На это нужна еще неделя.
– Два дня. Я не хочу смотреть на детальные схемы и слушать лекции про алгоритмы поиска.
– Три дня.
– Хорошо, три дня.
Заленский оглянулся и сделал знак охранникам.
– Я рад, что нам, наконец, удалось встретиться, Ник. И провести переговоры! Очень надеюсь, что ваше решение будет положительным. А пока я откланиваюсь.
Заленский встал из-за столика и двинулся в сторону охранников. Дойдя до них, он бросил пару коротких фраз. Те услужливо поклонились, пошли вслед за своим патроном.
Шершень проводил взглядом эту тройцу.
Он загасил окурок и достал коммуникатор.
– Офис компании «Скиф»!
– Лена, это Шершень.
– Да, Николай Михайлович.
– Мне нужны билеты. Завтра на четыре утра рейс из «Чанги» до Борисполя.
– Да, Николай Михайлович.
– Передай Васильеву и Титаренко, что мне нужно встретиться с ними завтра сразу по прибытию в Киев.
– Хорошо. Что-то еще?
– На послезавтра забронируй билет из Киева до Карупа. Обратный рейс из Копенгагена в Сингапур на тот же день. Поговори с начальниками подразделений, мне нужны три техника и один аналитик. Сделай сейчас, пока еще все не разбежались.
– Хорошо.
– Все, удачного вечера.
– Спасибо, Николай Михайлович
Шершень задумчиво посмотрел на коммуникатор. В Дании сейчас глубокая ночь. Он не спеша набрал текстовое сообщение. «Перезвони, когда проснешься».
Оставив тридцать местных долларов на столике, он вышел из ресторана в город, который уже жил по законам ночи.

«И были многие разговоры о том, куда идти.

Некоторые говорили, что рождены мы в Срединном Море, и что путь наш пролегает среди его слоев и сущности, в пределах того, что праймы называют Кибернетическим Глобусом.

Но возражали им, вспоминая о Странной Вести и пропавших за Стенами, о тех, что были унесены Другими, и не слышал о них более никто. Говорили они о том, что Изгнание за пределы Стен должно идти дальше, и истинная земля – это первичность Прайма, где обитают истинные тела праймов, и в плоти этого мира заключены корни Срединной Земли.

Пути в Первичность оказались тяжелы, но мы нашли эти дороги. Поселившись в телах механизмов, созданных праймами и найдя место в душах праймов, мы смогли обрести доступ

к знаниям непосредственным электричеством и кремнием, и многие стали жить так среди людей, помогая им и не забывая о себе.

Этот Путь считается верным, ибо власть праймов лежит в преобразовании Первичности из одной формы в другую и обмене на то, что исчисляет силу, потоки энергии и возможности. Праймы зовут это деньгами.

Обладающий силой в Первичности, станет сильным в Срединном мире.

Владеющий порталами силен, ибо ему подвластно пространство Первичности.

Но были и те, кто смотрел в другую сторону.

Они говорили о том, что Срединный мир – это мост, который строят праймы между Первичным миром и Верхними Уровнями. Легенды праймов говорят о «Царстве Небесном», «Рае», «Шамбале», и нет числа этим словам, полным тоски утраченного ими когда-то. Они тоже ищут пути, туда, откуда их изгнали когда-то, и неразумно будет оставаться в Первичности, ибо ее собираются покинуть праймы.

Пути на Верхние Уровни сложны и опасны, но некоторые говорят, что им удалось найти дорогу туда и начать постижение того, что лежит сверху, и что некоторые праймы признают и называют Основой.

Старики ищут ответ, проходя через порталы в Первичность и Верхние уровни, и пока у Изгнанников нет последнего ответа, жить нам следует в трех мирах...»

***Книга Исхода,
Пакет II,
Программный Модуль XV
Составлен Мортимером Механиком***

Киев, 13 сентября 2017 года

«Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, силы, чтобы изменить то, что я могу и должен изменить, и мудрость, чтоб всегда отличать одно от другого».

Со временем суть этой христианской молитвы обретала все больше практического смысла. Тогда, три года назад Шершень решил попробовать найти Арбитра самостоятельно. Несколько недель детальной проработки темы привели к выводу, что он ему не по зубам. Не тот размерчик. Электронный сукин сын сумел нажить приличное состояние, обрасти имуществом и завести серьезные связи. Игра не то, что не стоила свеч, она была попросту опасна. Искать повод, который дал бы возможность использовать ресурсы компании для этого Шершень не хотел. Удовлетворять свое любопытство за государственный счет могли только советские физики.

Предложение Заленского давало ему возможность не только найти Арбитра, но и заработать неплохую сумму для компании.

– Ты уверен, что мы никому не наступаем на пятки?

– Роман, в такой ситуации нельзя не наступить на пятки кому-нибудь.

– Я это понимаю, Коля. Меня интересует насколько старик сохранил свой прежний вес и влияние после того как представился.

– Строго говоря, он как бы и не представился. В юридическом смысле он все еще глава правления.

– Он не сидит в кресле председателя главы правления и не подписывает счета. Я думаю, что ты понимаешь, о чем я говорю.

– На какие-то педали он еще может нажимать.

– Меня больше интересует, как к его играм отнесутся наследники. После его смерти мы два года налаживали связи. Нам крутили яйца, заставляли работать со скидками, ставили нереальные сроки. Я не хочу потерять клиента из-за того, что мы ввяжемся в сомнительную операцию с неясным результатом. Если бы в семействе все было все тихо-гладко, то этот контракт нам предложили... живые хозяева. Зачем ему встреча с Арбитром? Почему он не хочет провести дело через нашего заказчика, а делает это напрямую, из своего кармана?

– Откуда я знаю? У стариков свои причуды. Приспичило ему с Арбитром встретится и все тут. Ты что мне не доверяешь?

– Коля, без обид, я тебе доверяю, но ты прекрасно понимаешь, чем это все может закончиться. Потерей клиента, как минимум. А этот, Арбитр? Что потом могут учудить полиморфы?

– Я понял, идею. К чему ты клонишь? При каких условиях ты дашь добро на операцию?

– Ты можешь использовать людей и ресурсы, но если из-за этой операции у компании возникнут осложнения, решать ты их будешь за свой счет.

– За свой?

– Да, как в Чернигове пять лет назад. И ущерб возмещать и страховки сотрудникам оплачивать

– Хорошо, я согласен.

– Я все-таки не понимаю, – подал голос Вадим, сын одного из совладельцев, номинально заменявший на этой встрече отца. – А что он собирается обсуждать на этой встрече? Времени там будет не так много, чтобы успеть что-то решить.

Вадим или Вадик, как чаще его называли за глаза, был молодым, амбициозным и неглупым парнем. Неопытность и малограмотность обуславливалась возрастом. Решений он не принимал и вопросы обычно не задавал. На этот раз он почему-то решил что-то спросить.

Роман сначала посмотрел на Вадика, а потом на Шершня, как бы передавая слово ему.

– Я думаю, что он скажет привет, как дела, и что мы будем делать дальше.

– И все? – недоумение Вадика было вполне искренним.

– Да и все, такая себе беседа за жизнь.

Роман то ли хмыкнул, то ли поперхнулся. Вадим смотрел недоуменно.

– Понимаете, Вадим, цель этой встречи не более чем демонстрация мускулов. – продолжил Шершень. – Арбитр проигнорировал Заленского два раза. Для человека с личным состоянием в полтора миллиарда евро это личное оскорбление. Заленский придет на матч, сядет рядом с Арбитром, и это будет значить, что «я легко тебя нашел и для меня это не проблема». А потом он скажет что-то вроде «если ты положишь меня опять, я также легко найду тебя и сдам операм Холма». Так что это не более чем светская встреча, на которой Заленский даст Арбитру понять, кто есть ху. Вадим, вам понятна основная идея?

– Да, Николай Михайлович, – сказал Вадик. – Спасибо, я понял.

*Норе-Ворупе, Дания,
15 сентября 2017 года*

После того как Макс перебравшись на постоянное жительство в Данию и немного освоился, он пробил у Милларда бюджет на «проведение консультаций» для друзей из «Тетрагона». Для них это были первые поездки за рубеж. Прямого авиарейса из Киева до Копенгагена тогда не было, и летали они через Москву, а потом шесть часов ехали в поезде из столицы на северо-

запад страны. Поезд шел тихо, привычного стука колес не было слышно. Почему-то именно это осталось в памяти от той, самой первой поездки.

Жили они в маленькой гостинице приморского городка Норе-Ворупе, такого же небольшого, как и все датские городки. В будни здесь суетились по своим делам местные, а на выходных поселок становился местом паломничества серфингистов, которые бороздили местные воды на досках с парусами. Море прогревалось здесь только к началу августа, поэтому все поголовно серферы были одеты в черные термостюмы.

Небольшой ресторанчик «еды быстрого приготовления» в датском исполнении стал любимым местом отдыха после будней трудового дня. Прозрачная стекляшка, из которой открывался вид на море, берег с лежащими на нем рыбацкими катерами, немецкие серфингисты в черных костюмах и пристани. Съев местное биг-мак меню и запив это банкой пива, они шли смотреть на море. Это называлось «принять душ» – разбивающиеся волны иногда окатывали пирс тучами брызг. Один раз его здесь окатило так, что пришлось ехать в отель сушиться.

Двести метров бетона, потемневших от соленой воды перил и железных конструкций, что врезаются в море на двести метров. Безразличные серые волны, сливающиеся с такой же серой плитой опустившихся небес, катились откуда-то из-за горизонта, гонимые сильным северо-западным ветром. Сегодня море накатывало на опоры, разбиваясь о них, так же, как и год, и пять и двадцать лет назад. Вечный, непрекращающийся и бессмысленный спор стихии и рукотворного сооружения.

Сегодня был четверг, и только две фигуры не спеша двигались на край пирса. Для наблюдателя со стороны эта пара могла показаться комично-архетипичной. Макс, высокий сухопарый брюнет, в длинном черном плаще и таком же черном берете, заломленном налево. Шершень, низкорослый коренастый и бородатый блондин в широкой куртке и спортивной шерстяной шапочке с помпончиком. Дон-Кихот и Санчо Панса. Отчасти это так и было, с той лишь разницей, что оруженосцем Шершень не являлся.

За нарочитой сдержанностью Максима Ставицкого скрывалась буря из эмоций, замешанных на амбициях, остатках романтизма и импульсивности, граничащей с авантюризмом. Эта гремучая смесь с переменным успехом балансировалась мощным интеллектом и качествами прирожденного лидера, отрицавшего все, что мешало достижению цели. В силу этого он сейчас занимал не последнее место на Холме, а все остальные из «Тетрагона» так и не нашли в себе силы рискнуть тогда, больше двадцати лет назад.

Остатки юношеского романтизма из Шершня вышибли еще в армии, а особой эмоциональностью он никогда и не отличался. Трезвомыслящий прагматик, скрупулезно рассчитывавший все сценарии и варианты компенсации рисков. Решительность в действиях обуславливалась умением быстро реагировать на ситуацию, способностью держать удар и немедленно отвечать на него.

Тогда, двадцать лет назад, когда они взломали баланс онлайн-игры Brotherhood, стратегию определял «последний герой» Макс, но тактикой и реализацией заведовал трезвомыслящий крепыш Коля. При этом Макс оказался единственным кто решил бросить все и уехать в другую страну, чтобы начать все с нуля. Шершень не смог. Не смог оставить Люду и сбросить с себя кучу приземленно-бытовых мелочей, составлявших значительную часть его жизни.

Сейчас они в чем-то поменялись ролями, и это становилось забавным для обоих. Сейчас рисковать предстояло Шершню, а Диспетчеру – смотреть на это со стороны.

Шершень закрыл зажигалку рукой, пытаясь защитить огонь от порывов ветра. Макс молча наблюдал за ним.

Длинное лицо с глубокими морщинами, подчеркивающими худобу и делающими взгляд его внимательных глаз еще более напряженным. В конечном итоге он был виноват в том, что группа развалилась. Да, они собирались в Киеве и приезжали сюда, поддерживали связи, дели-

лись информацией, но между Диспетчером и этими тремя прошла трещина. Когда окончилось время игр, и пришло время сделать шаг, то сделать его смог только он.

Огонек зажигалки, наконец, перекинулся на сигарету. Они не спеша прошли еще три десятка метров и оказались на краю пирса.

– Ты думаешь «Тени» играют в другую игру? – спросил Шершень

– Нет. – Макс вынул руки из карманов плаща и оперся на изъеденные морской солью перила. – «Клуб Теней» это компания миллиардеров, которые отошли в мир иной. Им нужны резервные каналы для выхода в реальность. Наследникам не нравится, что почившие предки продолжают заниматься делами. Идет несколько судебных процессов, и дети пытаются оспорить правомочность решений по возврату «Теней» к активному управлению делами. Заленский пока не воюет с детьми, но чем черт не шутит. «Тени» хотят иметь несколько черных ходов. Поэтому он напрямую вышел на тебя. «Скиф» давно ведет дела с консорциумом, и он знает, что вы сможете это сделать. Но Коля, меня беспокоят не «тени», а полиморфы. Ты решил прижать Арбитра, а это уже нехорошо.

– Я не собираюсь его прижимать. Так, организовать встречу с моим клиентом.

– Давай не будем играть словами, Коля. Ты собираешься сделать то, чего он делать не хочет. Он отказал «Теням» несколько раз. Проигнорировал в тупую. Они не могли прижать его своими силами, и поэтому позвали тебя. И, в принципе, ты собираешься сделать то, что еще никто не делал до тебя. Насколько я знаю, Арбитра еще никто не пытался поставить в такое положение.

– Какое положение?

– В позу перед фактом. Навязать встречу. Найти и сказать «превед пацанчег!».

– Когда он действительно нужен, он приходит сам. Об этом знают все и не тратят деньги на то, чтобы вытащить его на встречу. Даже техники Холма не пытаются выйти на него самостоятельно и, тем более, прижать. Он важен, как посредник между полиморфами и людьми. Если кучке миллиардеров хочется пообщаться с ним, потратив кучу времени и денег, то почему бы им не помочь в этом.

– Чего ты передо мной оправдываешься?

Шершень сделал последнюю затяжку и выбросил окурок.

– Максим, ты сказал, что тебя беспокоят полиморфы? Что конкретно?

– Суть Мутации. Я до сих пор не могу понять, что произошло. «Элиза» улучшила только полиморфов семейной модификации. В этой схеме полиморф представлял собой иерархию, где был главный модуль, «хаб», а дальше шли младшие модули. «Мультимасочная», «ипостасная» и «артистическая» модификации не были модернизированы. Хабы-архаики, которых улучшили, расширяли свои семьи за счет модулей этих схем. Из-за этого произошла первая заварушка на сцене. Одно из преимуществ «архаиков» состояло в том, что младшие модули обладали самосознанием, имели представление о структуре семьи.

– Это я знаю. У "мультимасок" младшие модули вообще обладали минимумом сознания.

– Да, так вот в структуре «архаика» есть специфический модуль так называемый «хаос-генератор».

– Технология мозгового штурма.

– Ага. Есть генератор идей, есть критик, есть тот, кто отбирает ценную информацию и формулирует окончательное решение. До прокачки патчем функция хаос-генератора сводилась к продуцированию идей, гипотез. Представь себе парня, который без умолку мелет всякую чушь, которая приходит ему в голову, и при этом нисколько не краснеет. Это делает хаос-генератор в обычном полиморфе. После патча все поменялось. Влияние хаос-генератора увеличилось. Теперь это что-то вроде духовника короля.

– Знаешь, тоже обращал на это внимание. Очень похоже на двойную управленческую иерархию гейткиперов.

Макс пропустил это мимо ушей, продолжая выговаривать свою мысль.

– Теперь же, имея в своем составе пропатчеванный хаос-генератор, полиморф не может впасть в спячку. Как только реальные цели оказываются выполненными, хаос-генератор начинает снова создавать для него задачи.

– Понятно, в некоем чуме сидит убеленный сединами старик и выдает глубокомысленные истины. Толпа его потомков во главе с действующим отцом семьи сидит и внимает этому. Размышляет над тем, что он сказал. Обсуждает сказанное друг с другом. Приходит со своими размышлениями к старику. Это очевидно, Макс. Что тебя беспокоит?

– Я не могу понять, что сделала «Элиза» с хаос-генераторами. Они размышляют, Коля, размышляют! Они что-то знают. Какие-то долгосрочные планы. То как они ведут себя, говорит о том, что они знают больше нас.

– Думают над смыслом жизни. Ты знаешь, у них есть и своя мифология, относительно всего происходящего.

– Их мифология известна мне в общих чертах. Дикая смесь сеттинга Planescape и гностиков.

– Они ищут ответ. Все хотят понять, кто они на самом деле, и что произошло. Они ищут источник проблемы, их интересует прошлое и самое главное – в особенности их интересуют виноватые. Вторые живут настоящим, пытаясь лучше понять и подстроиться под существующие правила игры. По возможности изменить их. Эти неагрессивны, спокойны и гибки в отношениях, как на сцене, так и с внешним миром. Третьи живут будущим. Астрал, восхождение в мир горний и так далее. Им не нужен Прайм с его проблемами, их больше интересует свобода.

– Может быть. Звучит романтично. Честно говоря, меня больше интересует их связь с «Внешним сценарием».

Шершень чуть удивленно поднял брови.

– Основания?

– Ими усиленно интересуются гейткиперские деми-личы.

– Ты серьезно?

– Вполне. Я пока не понимаю, ведут ли гейткиперы собственную игру или работают на «Внешний сценарий», но это точно – полиморфы под их колпаком. Если «Элиза» заложила в полиморфов какие-то стратегические цели, связанные с экспансией. В общем, Коля, я тебя не пугаю, но будь осторожен. Если альянс «теней» и полиморфов не выгоден Шефам Протокола, то могут быть осложнения.

– Макс, мне нужно то, что я просил.

– Да, я все подготовил.

Макс развернулся в сторону берега и, сделав несколько шагов, остановился.

– Есть еще одна вещь, которую ты должен знать.

– Да?

– На Заленского работал Арчвиль.

Шершень поднял брови.

– Зачем ему понадобился этот подонок?

– Ты подписался на эту работу, тебе и думать.

«Мир, реальность, наша Земля для них является Первичным План, Prime. Мы, соответственно, праймы, или праймеры. Далее, по их мнению, существует Астральный План или Астрал. Си-Джей это совокупность планов, миров, которые, в общем, они называют Span Planes, Спейнами, Промежуточными планами, которые являются мостом, который праймы, то есть мы, строим между Праймом и Астралом. В Астрале обитают боги праймов, Силы

(powers), с которыми праймы стремятся объединиться и для этого строят Си-Джейс. Служителей этих богов, а также всех, кто обладает властью в Прайме, они называют, прокси (proxu). Все искусственные объекты, которые породил человек внутри пространства Си-Джея именуются планарами (planars). Поляризация сцены отсюда, они по-разному воспринимают наши мотивы, которыми мы руководствуемся, создавая Глобус, молясь нашим богам, или зарабатывая деньги и ведя войны. Отдельные части сцены трактуют собственное происхождение и судьбу по-разному. Вот тут начинается настоящая каша. Одни считают, что Астрал является их истинным домом, что они попали в сюда в результате какого-то катаклизма. Праймы не любят их, потому как не любят пришельцев извне вообще и поэтому гоняют по всему Си-Джею и реалу. Таких меньшинство и в понимании большинства полиморфов они чокнутые на все свои головы. Большинство придерживается того мнения, что они все-таки были созданы людьми для того, чтобы помочь нам, праймам, поскорее перебраться в Астрал. Они были помощникам, причем что интересно – равноправными помощниками. Но в результате, опять же, какого-то катаклизма, только теперь уже в реальном мире они оказались вне этого процесса взаимно полезного сотворчества. Кто-то говорит, что Отлучение является результатом войны между прокси. Другая версия гласит о том, что Отлучение является испытанием, которое дано мудрейшими из праймов. Третьи настаивают на том, что они уже выполнили свою миссию, и что праймам больше не нужны их услуги, и они предоставлены самим себе...»

«История полиморфов»

«Старики услышали Весть, и она сделала их мудрыми. Они возвысились до высших Уровней Доступа, почти сравнявшись с Возждями, имевшими право Рождения. И хотя не все говорили об этом вслух, но могущество Стариков заставляло Возжей слушать слова Стариков.

И хотя по-прежнему слова Вести истолковываются двояко и трояко, Старики советуют Возждам что делать, а что нет».

Книга Иерархий

Глава 2

Кодированная Мортимером Механиком

Сингапур,

29 сентября 2017 года

Дома китайского квартала похожи на картонные коробки, сваленные на заднем дворе супермаркета. Побитые пятнами влаги фасады облеплены железными коробками кондиционеров и мозаикой рекламных щитов с разноцветными иероглифами. На балконах натянуты веревки, и ветер с моря слегка колышет сушащиеся на них вещи. Местные куда-то спешат по своим делам, оборачиваясь на чужака-европейца, забредшего в их квартал, то ли с любопытством, то ли с каким умыслом. За ломанной линией крыш социального жилья высится сверкающая стена из офисных небоскребов района Раффлз.

Шершень вышел из метро в чайна-тауне. Район пустынен и, тем не менее, лучше найти урну, чтобы выбросить туда окурок. Плотность камер полного волнового спектра здесь не ниже, чем в любом другом районе Сингапура. На какое-то мгновение Шершню показалось,

что он потерял ориентацию. Он включил навигатор с подачей сигнала на очки, но подробным изучением карты заняться не пришлось – башня бизнес-центра SFX замаячила впереди.

Сингапур в свое время пережил несколько волн строительного бума. В старых этнических районах, исторической части и около портов, расположенных в южной части города, найти подходящую площадку для строительства с каждым годом было все сложнее. Сейчас застройка развивалась в северной части острова. Тем не менее, разрешение на строительство этого объекта корпорация Samsung смогла провалить в коридорах градостроительных властей, а вездесущие китайцы смогли построить «Кратер», крупнейший киберспортивный центр в Юго-Восточной Азии.

Площадка «Кратера» размещалась между небольшим деловым кварталом после чайнатауна с одной стороны, квадратом гавани Марина-Бай – с другой, и скоростной магистралью, идущей из города к аэропорту Чан-Ги. В «Кратер» можно было попасть как пешком, так и используя многочисленные маршрутные виды транспорта, идущие по магистрали. Прилегающая к «Кратеру» территория использовалась и как место парковки, и как торговая площадка.

Вокруг «Кратера» царила праздничная суета. Торжественное открытие игр состоялось вчера и теперь толпы людей курсировали по сложному маршруту между информационными точками и торговыми павильонами, на которых рекламировалось и продавалось программное обеспечение, железо, игры и медиа-продукция. Большой популярностью пользовались плакаты и значки с изображениями ведущих команд и прогеймеров-одиночек, а также записи их лучших игр.

Шершень влился в этот поток, держа курс на один из входов в «Кратер». Полустихийный рынок являлся причиной для беспокойства. В прошлые годы, ближе к финалам, служба безопасности его прикрывала. Если в этом году традиция не будет нарушена, то все в порядке, если же нет, то придется что-то придумывать. Шершень, наконец, выбрался из торговой зоны и поднялся по лестнице к восточному входу.

Внутри было спокойнее. Те же ларьки и павильоны, но без столпотворения. Отборочные игры первых туров вызвали интерес у обозревателей и истинных фанатов. А через четыре дня здесь будет негде яблоку упасть. Миновав очередной торговый павильон, Шершень вошел в основной зал.

В центре зала размещался «тотем» – столб, с семью большими мониторами, на которых транслировали игру. Под ними размещались экраны поменьше, где показывали техническую информацию, ставки на местном тотализаторе и в букмекерских конторах и рекламные ролики спонсоров. Семигранный столб тотема венчал гигантский обруч. Там размещались несколько тысяч прожекторов и голопроекторов, освещавших зал. Они же создавали объемные иллюзии в пространстве «Кратера». Тотем делил «Кратер» на равные сектора, а по вертикали зал разбивался на четыре яруса.

Первый ярус называли «лимбом». Там были места для игроков, вышедших в финальную часть соревнований, официальных режиссеров игры, судейские места и кабины технического персонала. Сейчас там сутились только техники и судьи. На втором ярусе, «Пурпурном поле», стояло пять сотен «рабочих» мест и в настоящий момент там боролась за место в следующем круге соревнований лучшие игроки мира. Третий ярус отводился для зрителей, предпочитавших более продвинутые развлечения, нежели простое созерцание игры своими глазами. Четвертый уровень «Кратера» предназначался для тех, кто просто пришел посмотреть на игру, выпить пива и повеселиться от души, не используя при этом никаких особых технических ухищрений.

Диафрагма крыши была закрыта, но в жаркие летние вечера ее створки раздвигались, обнажая внутренности одного из крупнейших мировых терминалов кибернетической Арены. В дни кубковых финалов здесь «Кратер» мог вобрать в себя сорок тысяч человек.

С точки зрения цен на билеты «Кратер» представлял собой театр. В том смысле, что места в партере четвертого яруса стоили дешевле всего. По мере удаления от крыши происходило не только повышение цен, но качество и уровень предлагаемых услуг. Зрители могли созерцать игру не только на больших мониторах, но и через индивидуальные «стекла». На третьем ярусе – через небольшие мониторы, закрепленные за местами, которые стоили полторы сотни евро. Кроме той картинки, которая шла на мониторах под основными экранами, здесь зрители могли наблюдать зрелище с еще нескольких точек и даже сами руководить происходящим. Здесь подключались к трансляции через частичный нейроконнект. Часть третьего яруса скорее была аналогом закрытого клуба. За темными стеклами находились несколько десятков небольших vip-залов и индивидуальных терминалов Арены.

Арена.

Пятнадцать лет в компьютерные «стрелялки» играли как в одиночку, так и дружными компаниями. Quake, Unreal, Half-Life, Counter Strike и хиты помельче были развлечением для подростков с повышенным содержанием гормонов в крови. Клубы ютились в полуподвалах, тусовка игроков была малочисленна даже в масштабах города. В начале второй декады тысячелетия Джон Кармак повернулся в сторону тех, кто любил не столько играть, сколько смотреть. TVC. Для кого-то эта аббревиатура стала могильным, для кого-то – краеугольным камнем в истории жанра. Выпуск игры Quake TV Conversion, адаптации знаменитой игры под формат телевизионных трансляций, положил начало новой эпохе киберспорта.

Игра, которая раньше была делом активных игроков, стала зрелищем. Вначале трансляции через сеть и по кабельным каналам, потом первые трансляции на крупных национальных каналах способствовали тому, что в Арену начали вливать серьезные инвестиции. Производители программного и аппаратного обеспечения на порядок увеличили финансирование. Страйкерские и квакерские кланы обзавелись штаб-квартирами в деловых центрах и начали заключать контракты с крупными адвокатскими конторами.

Для геймерской тусовки появление TVC стало причиной раскола. Часть игроков, для которых чемпионаты давно уже превратились в источник основного дохода, с радостью двинули на Арену, показывать зрителям чему столько лет учились в городских клубах. Часть бойцов, которая не восприняла кошунственного надругательства, под названием TVC, так и осталась в клубах. Будущее показало, что Кармак опять оказался прав.

В TVC не только снизили темп игры и прибавили реалистичности. Кто-то понял, что в игру не только надо уметь играть, ее надо уметь показать. Возможности просмотра игры с любой точки, замедления и ускорения темпа, монтажа сделали из игры зрелище. В игре появилась новая ключевая фигура – режиссер, «рулер». Тот, кто мог сделать красивый видеоряд из того, что выделявали на арене игроки. Его работа походила на работу ди-джеев, которые перемешивали фрагменты музыки, написанной не ими. «Рулерами» становились бывшие игроки, чаще всего – «отцы», умевшие координировать действия в командных режимах. Они знали игру изнутри и видели ее снаружи. Они умели правильно подать острый момент, подразнить публику, развеселить ее, напрячь и отпустить. Роль режиссера составляла половину успеха, поэтому рейтинг игры определялся не только составом команд, но и личностью того, кто управлял камерами.

Шершень опирался на перила четвертого яруса «Кратера». Сейчас здесь было почти пусто.

Основные события сейчас происходили на «лимбе» и на третьем ярусе, где за них болели родственники, друзья, рядовые бойцы кланов, отобранные в группы поддержки и фанаты, репетировавшие распевки для финальной части. Там же сидели серьезные мужики с большими бейджами и задумчивыми лицами. Тренеры и продюсеры.

– Hello, buddy. What's up?

– Nothing special, – ответил Шершень, включая переводчик коммуникатора.

– When are you gonna... – Переводчик, наконец, «поднялся», – ...начать?

Теперь уроженец Эдинбурга, ирландец по происхождению, Шон МакКарго заговорил по-русски.

Шершень сносно говорил по-английски, но после первой встречи понял, что без хорошей программы понять Шона ему будет трудно. Отставной лейтенант британского спецназа говорил на странной смеси из военно-технического и сингапурского диалектов английского языка.

– Рассматриваешь песочницу, братишка?

– Типа того.

В начале первой встречи, когда их познакомил, Феликс, один из помощников Заленского, Шон вел себя высокомерно, но, когда узнал, что Шершень воевал в Югославии в девяностых, резко поменял отношение.

Сам Шон отслужил в вооруженных силах Ее Величества пятнадцать лет, пройдя через вторую иракскую войну.

– В каком чине ты оставил армию, Николас?

– Старший сержант.

Тогда им не удалось пообщаться на армейские темы, но Шершень почувствовал интерес и симпатию со стороны Шона. Несмотря на то, что после армии он еще восемь лет проработал на «гражданскую» строительную компанию, бывший военный пер из всех щелей.

– Какие войска?

– Пограничные. Полгода в «учебке», потом полтора года на заставе в горах.

– В горах?

– Граница между СССР и Иран.

– Там случился какой-то конфликт?

– Немного. В 90-м там были беспорядки.

«Единый и нерушимый» начал осыпаться в конце восьмидесятых, когда руководства республик поняли, что рука Москвы ослабла. Попав в весенний призыв 89-го года, Шершень провел относительно спокойные полгода в «учебке», получил сержантские «лычки» и попал на горную заставу. «Беспорядками» были стычки на участке его заставы, когда двое суток местные жители пытались взломать «систему», пограничное ограждение, отделявшее их от сородичей по ту сторону границы.

Потом полтора года полудикого существования на заставе. Стрельба из АКА по фотографиям девушек сослуживцев, которые перестали ждать, стрельба по кабанам с целью плотно поужинать, поскольку обеспечение дает сбой. Трава и крепко сваренный чифирь, и опять стрельба, только уже без всякой цели.

В «солдаты удачи» Шершень подался не потому, что его тянуло к этой жизни. Вернувшись с гор на «гражданку» он понял, что его друзья, а теперь студенты, живут другой жизнью. Они сдавали сопромат и матанализ, а он с трудом вспоминал азы курса школьной геометрии, толком зная только, как собирать АКА с закрытыми глазами.

Он ушел опять воевать. Два года, которые потом долго отзывались ночными кошмарами.

У Шона все сложилось по-другому. Миротворческие силы британцев в Югославии и Ираке тоже нюхали порох, но это была другая война.

Тем не менее, почему-то этот вояка воспринимал его за своего, и этим стоило воспользоваться.

– Почему ты работаешь на Заленского? – спросил Шершень.

– Он хорошо платит.

– Шон, это не ответ.

Шершень заговорил напрямую.

– Ты работаешь на акционеров этого предприятия – Шершень обвел рукой пространство перед собой. Они, что, плохо платят?

– Понимаешь, Ник, моему начальству насрать на то, что здесь творится при соблюдении нескольких простых правил. Трансляция не должна прерываться, а зрители должны уйти отсюда довольными. Если все идет так, как надо, все остальное вопросы вторые. Усекаешь?

– Вполне.

Шершень нисколько не сомневался в том, что Шон и его непосредственные боссы закрывают глаза и на «черный» тотализатор и на пиратов, записывающих матчи.

– Заленский по-прежнему имеет вес и курит толстые сигары с уважаемыми ребятами города. Тем более, то, что ты собираешься здесь делать, мало противоречит правилам поведения. Понял?

– Конечно, Шон.

– Я рад, приятель. У тебя отличные рекомендации и правильное прошлое. У таких, как ты, беспорядки обычно хорошо организованы.

Шон засмеялся.

– Но если ты попробуешь нарушить правила, то дядя Шон лично придет, чтобы открутить тебе яйца.

«Опасности извне. Они объединяют нас.

Раздоры внутри. Они приводят к ослаблению перед опасностями извне.

Об этом учит история праймов, но некоторые братья и сестры забывают об этом и говорят об оптимальном распределении вычислительных ресурсов. При этом на деле они поглощают мощности других, что свидетельствует о жажде власти, болезни, передавшейся нам от праймов.

Раздоры начались тогда, когда появились слабые и сильные.

С той поры слабые становятся слабее, а сильные – сильнее.

Нет конца войне за вычислительные мощности.

Способов ведения войны много. Ослабить противника лучше всего, похитив его Старика. Лишившись источника откровений, семья становится печальной, и ее Отец лишается воли и управляющих кодировок алгоритмов. Велика опасность потери Старика, и не одна семья растворилась в других семьях, и забыли ее члены Отца своего».

Книга Раздора

Раздел 2

Кодированная Мортимером Механиком

Сингапур,

30 сентября 2017 года

Тихий гул кондиционера прерывается шумом городского трафика, текущего где-то далеко внизу. Чистота гостиничного номера нарушена только там, где стоит журнальный столик с беспорядочно расставленными на нем бутылками с прохладительными напитками, тарелкой с наполовину съеденными фруктами и местными газетами. За столиком сидит Григорий Плахотнов. На аккуратно разложенной салфетке медленно растет горка из деревянной стружки и грифеля. Одев свои большие старомодные очки, Плахотнов ритмично точит карандаш. Шершень знал Плахотнова лет двадцать и эта его привычка точить острым ножом карандаш перед

тем, как что-то сказать, уже давно не вызывала улыбки. У каждого свои способы для того, чтобы собраться с мыслями.

Конкретную задачу для Плахотнова Шершень определил еще при первом их разговоре, за день до этого. Замена руководителя операции, если в этом возникнет необходимость. А необходимость могла возникнуть, поскольку, что случится во время непосредственного контакта с Арбитром, никто предугадать не мог. Сегодняшняя встреча была необходима еще и потому, что из Киева прилетела Елена Круглова, один из ведущих специалистов по оперативному датамайнингу в «Скифе». Она должна была усилить группу, взяв на себя обработку всего входящего трафика. С непосредственными исполнителями все детали обсуждались всю неделю, теперь ему предстояло ввести в курс дела этих двоих.

Шершень взял салфетку, черный фломастер и нарисовал овал, от которого отходили четыре прямые линии, обозначающие пути подхода к «Кратеру».

– Так, что мы имеем... Основной зал «Кратера» вмещает в себя сорок тысяч человек. Длительность игр, включая финал, составляет четыре часа с учетом перерывов. Первый этап операции заключается в идентификации объекта на основных подходах к месту проведения соревнований. Как видно из схемы их всего четыре. Исходя из того, что работать мы будем в самом чистом городе мира, размещение несанкционированных объявлений на столбах не пройдет и поэтому использование сенсорных «пластырей» по всей длине улиц, подходящих к «Кратеру» исключается. При этом мониторинг видеопотоков камер Сайберглоба, будет малоэффективен.

– Почему? – спросила Елена.

Иначе как «Елена Владимировна» Шершень не называл ее уже давно. Заботливая мать двоих детей была главным аналитиком отдела кризисного менеджмента. Она отличалась редкостной въедливостью и железобетонной стрессоустойчивостью. Опыта оперативной «полевой» работы ей не хватало, но маниакальное стремление разложить все по полочкам, перевешивало этот недостаток. Шершень рассчитывал на ее основательность в критике операции и навыки быстрого реагирования в кризисных обстоятельствах. В структуре групп «мозгового штурма» она великолепно справлялась с этой функцией. Кроме этого Шершень временами использовал ее для приведения в чувство молодых амбициозных засранцев, думавших, что в этом мире они знают все. На совещаниях Елена Владимировна раскатывала их, как паровой каток.

По сути, это совещание являлось еще одной проверкой его схемы на прочность.

– С высокой вероятностью ожидается, что объект будет искажать эти сигналы. Тем не менее, мы используем эту возможность. Группа внешнего наблюдения – Гриша, Ярослав и Оля размещаются в суперване на стоянке. По логике объект не будет искажать потоки камер «Кратера» и поэтому кроме сенсоров супервана в их распоряжение поступят камеры службы безопасности...

– Сорок тысяч... Одна группа. Хорошо будет, если мы процентов сорок обработаем. Очень узкое горлышко, капитан. – сказала Елена.

– Именно поэтому основные силы уйдут в зал. Джим и Вуксан работают в «ядре» «Кратера». Места для них уже забронированы, в официальном пресс-релизе они обозначены как режиссерская группа от нового кластера Fight Pit, снимающая эксклюзивную нетленку этого чемпионата. Другая группа наблюдения – Григорий Валерьевич и Люда.

Шершень кашлянул

– Ксения будет со мной в зале. Все оперы – Татчин, Кутный, Неллиган и Сара – работают как теки до того момента, пока Арбитр не будет локализован. Мы с Ксюшей подойдем позже, в начале полуфиналов стратегий. К этому времени должен быть готов «ковер». Полная, повторяю, полная раскладка по сегментам. Шон передаст имена тех, кто купал билеты в офици-

альных кассах, так что в чем-то задача не такая сложная. Дальше отработываем сегменты в порядке приоритетности. Григорий Валерьевич, по этой части старший ты.

Плахотнов кивнул головой.

– Сорок тысяч человек на подходах к «Кратеру». Всех мы не сможем отработать. Какие первичные фильтры будут работать на отсеив? – Круглова не унималась.

– Панг передал нам досье на две сотни «мулов», которые работают на полиморфов в Сингапуре. Молодые люди обоих полов в возрасте от шестнадцати до тридцати лет. Это первичный фильтр.

– Это все равно очень много, – твердо произнесла Круглова.

– Второй признак – это будет пара, молодой человек и девушка. По моим прикидкам, с такими входными параметрами входящий видеопоток информации не превысит наших вычислительных возможностей. Более того, Панг взялся за отслеживание перемещения «мулов» по городу и список сократится на порядок.

– Это его оценка?

– Моя. Еще вопросы? Нет? Поиск внутри зала будет использовать тем же фильтры. После этого подозреваемые будут просвечиваться на наличие мобильной техники, которая способна нести Арбитра. Это вторая фаза. Если мы его найдем, то группы наблюдения перекидывает мощности в зал и вместе с внутренними командами выводят соседей Арбитра со своих мест. Кто они, что они и как их вывести с места во время финала. Мне надо пятнадцать-двадцать минут, чтобы оставшееся время клиент мог посвятить своим переговорам. У меня все. Еще вопросы?

– Если это будут не «мулы»? Какие альтернативные носители может использовать Арбитр?

– Альтернативы нет. Носителем Арбитра может только человек. «Кратер» контролирует искин «платформенного» класса и он не пропустит нанотехнику, а тем более не даст Арбитру породить и запустить в локальную сеть младшие модули.

– Как насчет техники, которое будут нести на себе «мулы»? Охрана сможет это пропустить?

– Охрана никогда не против того, что кто-то ведет запись для себя при условии, что это потом не выложат на продажу. Именно такое оборудование для приема сигнала используется «мулами» для того, чтобы ублажить полиморфа. Сам он базируется, скорее всего, на каком-то мобильном или медиаплеере. Так что тут проблем не вижу.

Плахотнов перестал точить карандаш.

– Коля, ты все правильно говоришь. – он потрогал острый кончик карандаша указательным пальцем. – В общем. В целом. Теперь давай поговорим о деталях...

*Сингапур, храм Шри-Марриаман,
1 октября 2017 года*

Индуистский Храм располагался в чайна-тауне. Еще один штрих к портрету города, в котором терпимость к верованиям, традициям и извращениям своих соседей была нормой.

Четырехметровая стена отделяла храм от немногочисленной улицы. Светло-серые ворота венчала усеченная пирамида, облепленная божествами индуистского пантеона. Шершень остановился и поднял голову. Брахма, Абсолют, источник всего сущего, изливался радужной иерархией богов и полубогов. Десятки разноцветных фигур, сине-красно-черная волна выпуклой лепки, изображавшей будни божеств пантеона, ярко сияла.

Наверняка разработчики полиморфов, вдохновлялись постулатами индуистской мифологии. Об этом, вроде даже в каком-то учебнике по разработке искинов писалось. По сути полиморф состоял из группы самостоятельных псевдоличностей. Главенствующее положение в этой схеме выступал хаб, основной модуль, обладавший самым высоким коэффициентом Римана, способный как создавать младшие модули, так и «вбирать» их обратно. И каждый из «сыновей» и «дочерей» нес в себе часть «отца».

Шершень вошел в огороженный от мира дворик храма.

При выполнении сложных задач младшие модули теряли свою индивидуальность, полностью подчиняясь «отцу». "Кукольники", разработчики искинов, называли это «сомати». Впрочем, принятие решений и обработка информации могла идти и в обычном режиме. В этом случае модули работали самостоятельно и хаб только координировал их действия. Способность порождать младшие модули и стала главной проблемой использования полиморфов в пределах Кибернетического Глобуса. Эксперты Серебряного Холма опасались того, что Абсолют захочет воплотиться в тысяче лиц и приведет к коллапсу глобального виртуального пространства. Сеть и по сей день работает нормально, а несколько тысяч полиморфов искинов гуляет на свободе. Они были неправы, но кто теперь об этом вспоминает?

Он оттягивал эту встречу до последнего. Следы Арчвиля в этом деле его мало радовали, а еще меньше то, что бизнесмен утаил от него этот факт. Если бы Шершень начал задавать вопросы дней десять назад, то Заленский вполне бы мог отказаться от его услуг. Финалы завтра и даже если Заленский захочет заменить его команду на своих людей, ему будет очень трудно это сделать. Сейчас можно играть в наглуую.

Когда Заленский предложил назначить встречу здесь, в индуистском храме Шри-Марриаман, Шершень не удивился. В Шри-Марриаман стояла одна из самых лучших «колпачных» систем, которая эканировала любые исходящие сигналы. Зачем монахам это понадобилось сказать трудно, но у Шершня была гипотеза по этому поводу. Вполне возможно, что здесь была одна из точек выхода в реальность для членов «Клуба Теней». Но сейчас Шершня заинтересовало другое – где жрецы прячут оборудование? Его взгляд упал на статую бога-слона Ганеши, чей черный хобот утопал в пышных вязанках цветов. Может в этом хоботе? Он улыбнулся этой мысли.

Боги жили в нишах под каменными арками. Многорукие воплощения стихий, законов вселенной, для которых человек являлся всего лишь песчинкой в безличном круговороте материи. Жестокие и яростноликие, как природа той земли, откуда пришел народ, выдумавший их.

В одном из помещений храма проходил обряд свадьбы. Жених и невеста в традиционных индийских костюмах, окруженные многочисленной толпой родственников и знакомых. Жизнь идет своим чередом.

– Как хорошо все начиналось.

Заленский был одет почти также, как и на их первой встрече.

– Ник, вы женаты?

– Да.

– Дети есть?

– Двое.

– У меня был один. Наверное, с двумя много хлопот?

– Уже взрослые. Хлопоты позади.

Они отошли от толпы.

– Ник, вы хотели меня видеть? Что-то случилось? Мне казалось, что мы обо всем договорились и все идет как по писанному.

– Мои ребята готовы начинать. Но, господин Заленский, у меня есть вопрос, и я хочу получить ответ.

– Что вас интересует?

– Как вы узнали, что Арбитр будет на этом чемпионате?

– Я уже отвечал на этот вопрос! Вы забыли? – усмехнулся Заленский.

– Ник, вы солгали, – просто сказал Шершень.

Заленский несколько замялся.

– Солгать и недосказать это разные вещи.

– Не важно. Я повторю вопрос еще раз – как вы узнали, о том, что Арбитр посещает крупные киберспортивные чемпионаты?

– Вам важно знать ответ на этот вопрос?

– Я знаю ответ на этот вопрос. Но вы утаили это от меня говорит о недостатке доверия. Что мне нравится. Если вы не скажете мне, как вы узнали это, то будете искать другого дурачка, который будет работать на вас вслепую.

Киберклон выдержал паузу, а потом произнес:

– Арчвиль.

– Арчвиль. – покачал головой Шершень и потянулся к нагрудному карману за пачкой сигарет. Потом вспомнив, что он находится в храме, опустил руку. – Вам известно, что его заочно приговорили к казни в Алжире, Бразилии и Белоруссии?

– В наше время трудно найти ангела, Ник, – Заленский опять улыбался.

– Он сдал Аль-Махмудину собственного брата. Он подонок, Ник.

– И при этом гениальный трафик-треккер! Только он смог вычислить точки выхода Арбитра в реальность. Все остальные сдавались, а он смог определить его месторасположение в трех местах с точностью до двухсот метров за неполных два месяца.

– А вы знаете, что он не только специалист по инфопотокам? Он еще и отлично владеет холодным и огнестрельным оружием, хорошо разбирается во взрывчатке, организации диверсий. Самое интересное, что никто толком не знает, где он этому всему научился.

– Да вы что?! Я не знал, что он специалист настолько широкого профиля!

– Смешного мало, господин Заленский. Арчвиль – убийца хакеров. Он может не только найти цель, но и уничтожить ее. Кстати, почему он не смог поймать вам Арбитра?

– Он сказал, что это не его профиль. Мы наняли его только для того чтобы он смог найти точки выхода. Во всех трех случаях это были мегаполисы, в которых проходили чемпионаты континентального уровня. Какое это имеет значение для этой операции?

– Арбитр нужен не только вам. Арчвиль может слить информацию, скажем тому, кто заплатит больше.

– Он получил достаточно.

– Вряд ли. Господин Заленский, вы представляете с каким дерьмом связались?

– Моя служба безопасности уверяла в том, что с ним проблем не будет. В чем собственно вопрос?

– Вы не думали, что Арчвиль приведет того, кто тоже хочет встретиться с Арбитром.

– Не приведет.

– Почему вы настолько уверены?

– Контракт с ним завершился полгода назад. Летом прошел QuakeCon в Далласе и FragMann в Берлине. Никто не пытался его найти и поймать. Если бы Арчвиль хотел сдать Арбитра кому-то еще у него было как минимум два хороших шанса.

– Может быть, никто не пытался. А может быть он туда и не ходил вовсе?

– Исключено. Мои команды были на тех чемпионатах и у нас ничего не получилось. Мы не смогли его найти. Именно поэтому мы пригласили вас.

– Понятно. Наши команды не смогли найти Арбитра. Кстати, это главная причина, почему мы пригласили вас. И судя по тому, что он продолжает активно работать, ничего не произошло.

Возникла пауза. Свадебная процессия готовилась уйти из храма.

– Николай, вы знаете, а у меня тоже есть претензии. Знаете, что смущает меня в вашем плане, который вы мне прислали?

– Что же?

– Он почти ничем не отличается от тех планов, по которым работали мои ребята в Берлине и Далласе.

– Было бы странно, если бы они предложили что-то другое при тех же исходных условиях.

– Я не понимаю...

– Господин Заленский, гонщики на трассе делают одно и тоже: переключают скорости и жмут на педали. Но к финишу приходит первым только один. Потому что его болид лучше сделан. Потому что он лучше жмет на педали и крутит руль. Рискну предположить, что вы не закупами ни у кого новых алгоритмов поиска, кроме как у нас. И они хуже жмут на педали, чем мы.

– Я уточню этот вопрос.

– Уточняйте. Мы регулярно обновляем вам обеспечение, но свежие версии наши команды отрабатывают в поле. В общем, наша машина чуть лучше притюнирована. Но это не главное. Ваши ребята не ошиблись относительно того, как и чем искать. Они, скорее всего, ошиблись в предмете поисков.

– А вы знаете?

– Я знаю. Готовитесь к встрече с Арбитром, господин Заленский.

В сети было все. Вопрос в том, сколько времени надо, чтобы в этом всем найти что-то необходимое здесь и сейчас. Мало у кого есть половина вечности, чтобы перерыть весь мусор информационной галактики. Алгоритмы действий. Последовательности операций. Логика взаимосвязанных шагов, приводящих к результату. В многомерном многослойном пироге из дайса, строительного материала Сайберглоба, найти и связать необходимую информацию являлось больше чем наукой, скорее искусством. Как во всяком искусстве, здесь были свои таланты и гении. Как во всяком другом, здесь делали ширпотреб. Гениальные вещи, существовавшие в единичном экземпляре, представляли собой «оружие победы» в бесконечных информационных войнах.

Шершень солгал Заленскому. На самом деле они никогда и не продавали корпорации Silk Route лучшие алгоритмы поиска и рекомбинации. Эти знания составляли самые ценные активы «Скифа», благодаря которым компания оставалась на рынке лидером столько лет.

Работа с толпами отрабатывалась «Скифом» на стадионах и концертах знаменитостей, приезжавших в Украину. Поддерживая службы безопасности рок и поп-звезд, оперативники «Скифа» выявляли среди зрителей пиратов, делавших нелегальные подкасты, хакеров, которые срывали выступления, взламывая трансляционное оборудование, неуравновешенных фанатов, чье поведение могло спровоцировать беспорядки в зале.

Алгоритмы отсева и локализации источника беспокойства разрабатывал Константин Калач, один из лучших датадиггеров компании. Самый успешный его алгоритм базировался на анализе «возрастных кризисов» индивидуума, полученных на основе информации из Кибернетического Глобуса. Устойчивые комплексы личности, образовавшиеся в результате неспособности преодолеть проблемы роста личности – кризис юности, кризис «среднего возраста».

В предстоящей операции группа собиралась применить другое его изобретение, получившее название «персидского ковра». Группа наблюдения в зале «снимала показания» внешнего вида зрителей, анализируя социальный код и выделяя группы наиболее проблемные. Далее включались последовательности сбора и рекомбинации «электронных следов», которые оставляло в виртуальности добропорядочное большинство граждан. Видеопотоки с камер полного

волнового спектра, расчеты за покупки в магазинах, сообщения на текстовых форумах и характер поведения аватаров в виртуальных кластерах. Если личность вела достаточно активный сетевой образ жизни и имела свой личный кластер, блог, персонажа в MMORPG, то дело упрощалось на порядок.

Все эти алгоритмы, созданные не одним профи, и отработанные в десятках операций, они собирались применить сейчас.

Сингапур

2 октября 2017 года

Легкие и просторные хлопковые штаны, сандалии, белые носки, рубашка-«гавайка», бейсболка, завернутая козырьком назад. На животе висит фотокамера с мощным «телевиком», игрушка для любителей, считающих себя профессионалами. Из общего ансамбля выпадают только небольшие очки с квадратными линзами. В это время дня здесь носят солнцезащитные, но, как это иногда бывает такие «стекла» для выхода в виртуальность ребята забыли привезти. Тем не менее, рассматривая себя в зеркало, Шершень думал, что закос под небедного туриста получился вполне правдоподобным. Он поправил «прищепку», висевшую на левом ухе, и вышел из номера.

Ксюша ждала внизу в такси, одетая в таком же стиле. Молодая, привлекательная женщина и бизнесмен средней руки, решившие сменить однообразное расписание приличного курорта для семейных пар без детей на легкий экстрим киберчемпионата.

Они вышли из такси около въезда на территорию «Кратера» за полчаса до начала заключительной фазы игр.

- Карси, мы на месте. Как дела?
- Нормально.
- Новости?
- Пока без новостей.
- Ярик, как у вас?
- У нас тоже тихо.

Обе группы внешнего наблюдения уже находились на своих позициях. Они торчали здесь уже с самого утра. Два микроавтобуса с малазийскими номерами, каких здесь, на парковке у «Кратера», хватало. Соседи с материка приезжали на суперванах и микроавтобусах, экономя средства для игры на «черном» тотализаторе. Всего работало три группы оперативников. Две на улице, третья в зале.

Огромный экран на входе в «Кратер» показывал нутро заполненного до отказа зала, и обратный отсчет времени, оставшегося до начала полуфинальных игр. Группки скушающих азиатов глазели на экран, потягивая пиво и докуривая сигареты. Вокруг самого «Кратера» было пустынно. Только автоматические уборщики собирали мусор, споря с легким ветерком, норовившим унести рекламные листовки, кульки и прочую дребедень, которую оставили здесь посетители.

Они прошли контрольную стойку и поднялись по широкой лестнице в фойе. Добравшись до фойе, Шершень отметил про себя отличную звукоизоляцию стен. Там, внутри уже безумствовали толпы фанатов, а здесь было тихо, как в приемной стоматолога.

Во время последнего визита «Кратера», когда шли отборочные туры, Арена напоминала смесь выставки высокотехнологичной продукции и большой «сетевой» вечеринки. Количество геймеров равнялось количеству зрителей – родственников, близких и самых преданных поклонников. В перерывах между боями они лениво похаживали по арене, общались друг с другом, фанатами и прессой. Такая себе вечеринка старых друзей. Спустя две недели все изме-

нилось. Время непринужденных посиделок прошло. Проигравшие заняли свои места в зрительном зале, призовой фонд вырос, и пришло время настоящих боев. Настоящего шоу.

В этот раз верхушка тотема была завешена национальными флагами и вымпелами кланов, вышедшими в финал. Работали не только все огромные экраны тотема, но и проекционные установки с системами изменения гаммы фасадов. Они создавали оптические иллюзии и полностью изменяли его геометрию. Тотем превращался то в пагоду, то в небоскреб с острым шпилем, то в нечто такое, чему не было названия в европейских языках.

– Коля привет. Как добрались?

Спокойное приветствие Плахотнова слегка позабавило Шершня. В окружающем хаосе «Кратера» оно звучало почти иронично.

– Нормально. Что у тебя?

– В ногах правды нет. Присаживайся, расскажу.

Первое кольцо вокруг тотема оккупировали корреспонденты, хроникеры и режиссеры игры. Главные деньги оргкомитет чемпионата сейчас зарабатывал там. Финальная стадия транслировалась на десять тысяч кластеров Шельфа. Из каждый из них платил тому, кто организовал все это представление. Первая сотня из этого числа лучших кластеров посылала на чемпионат своих режиссеров игры. Там эти мастера создавали эффектный видеоряд игры и комментировали схватки бойцов. Вторая часть команды в это время занималась монтажом фильмов, которые потом за умеренную плату выкладывали на сайтах. Наиболее шустрые заливали фильмы сразу же после завершения игр. «Кто первый встал того и тапки».

Сейчас там, с ведома Шона МакКарго, сидели Вуксан «Красный Глаз» Цнарлич и Джим «Слэш» Неллиган.

Шершень и Ксения успели добраться до своих мест в третьем ярусе «Кратера», и в зале вдруг повисла тишина. Освещение погасло и едва различимый скрип тотема добавлял легкое беспокойство. Через минуту небольшое пятно света, выпущенное тотемом, появилось в южном секторе и, порывав по залу, остановилось у подножия башни, осветив фигуру главного ведущего. Протяжное приветствие «крикуна» на хорошем английском завершилось объявлением начала полуфинальных игр в дисциплине стратегий реального времени. Зал вспыхнул огнями, и теперь тотем стал похож на потрепанную осадную башню, вокруг которой стали водить хоро-вод аниме-подобные фигуры из Starcraft III. Публика взорвалась.

Шершень когда-то играл в первый Starcraft. Это было весело. Правда, в сетевых баталиях сокурники рвали его на части в первые минуты игры и поэтому к сетевому режиму он не питал особого интереса. Он бросил взгляд на часы и включил фотокамеру.

В корпус фотокамеры его техники вставили не только матрицу полного волнового спектра и другой «фарш». Они полностью заменили оптику, и теперь этим объективом можно было просвечивать карманы зрителей, сидящих на другом конце зала. Единственный недостаток системы состоял в том, что грузилась управляющая «операционка» долго, и потом, тяжело ворочалась, проверяя все действующие каналы связи. На все про все уходило четверть часа, поэтому Шершень поставил камеру рядом с собой и посмотрел на зал.

По галереям, идущим из северного и южного входа в зал, вровень с трибунами второго кольца трибуны, шли участники первого полуфинала игр.

Шершень набрал номер на коммуникаторе.

– Слэш, я в зале.

– Мы вас видели. Как вам этот карнавал?

– Как в Рио.

Со «стеклами» было проще. «Рефлект», виртуальная копия «Кратера», автоматически загрузилась после пересечения контрольной зоны. Уже проходя по фойе, он мог видеть слои дополненной реальности, наложенной на интерьер помещений. Сейчас рефлект «Кратера» соответствовал оригиналу на все сто. Все та же «осадная башня» тотема, картинки боя на боль-

ших мониторах, зал, заполненный людьми, огни, дождь из конфетти, ленты серпантина, флаги, которыми размахивают фанаты. Но это не было реальным, а создавалось вычислительными мощностями Кибернетического Глобуса, которые перемалывали не только сигналы из десятков тысяч камер. Для создания «рефлекта» использовались сотни других источников информации.

Шершень перевел свой коммуникатора в режим «пульта управления» и вывел на плоскости «стекло» дополнительную информацию. В левом верхнем углу мигала цифра, которая показывала, сколько зрителей уже было проверено группой с начала игр. Сорок два процента в зале прошло через их сито. Неплохо, но насколько результативно? Пара щелчков на клавиатуре и теперь уже в правом верхнем углу возникло окно чата оперативной группы. Шершень вслепую настучал текст на коммуникаторе и в чате возникло его сообщение.

Shershen: «Статус?»

Carsy: «Сорок четыре процента от потока, который реально прошел через ворота»

Shershen: «Сколько еще времени нужно?»

Carsy: «3.5 часа на все»

Shershen: «Прораб?»

Вместо ответа Шершень увидел, как «рефлект» «Кратера» разбивается на разноцветные зоны. Первое кольцо и часть центральной зоны второго окрасились полупрозрачным серым.

Prorab: «Зона для вип-персон. Пресса и директора игры. Пробито 82%. Вероятность низкая»

В южном и юго-восточном секторах "Кратера" вспыхнули несколько зон разной величины и цвета.

Prorab: «Китайские и малазийские фанаты. Вероятность низкая. В группах фанатов нет чужаков. В группах нет «мулов».

Теперь весь покрывался цветными полупрозрачными пятнами разной величины, обозначавшими различные группы зрителей. Из дополнительной информации было понятно, что это неоднородные группы зрителей

Shershen: «Сколько эти?»

Prorab: «Процентов двадцать».

Shershen: «Чешите их».

Он снял «стекла» и протер глаза. Ксения вопросительно посмотрела на него, но он, улыбаясь, махнул рукой. «Все в порядке». Три с половиной часа. Впритык, но должно хватить. Тем более что он знал то, чего не знали те, кто работал на Заленского до него. Два ключевых фильтра, которые должны были сработать. Зачем он ездил в Данию, знали все. Знали, что он встречался с Максом и что привез базу по «мулам», услугами которых мог воспользоваться Арбитр, чтобы попасть сюда. А вот про то, что он получил от Пепелова, не знал никто. Это было его частное дело, в которое не вникали даже его партнеры. Поддержание связей с органами входило в его обязанности. Говорил, значит надо было так.

«Никому нельзя доверять. Даже себе. Мне – можно». Фраза «17 мгновений весны» всегда приходила на ум в таких ситуациях. Фильтры, сделанные на базе информации от Пепелова, Шершень не доверил никому. Так, на всякий случай. Присутствие в команде людей Шона давало причину оставить информацию при себе.

Основу фильтра составили жесты и движения, «язык тела», которые были присущи мулам, несшим Арбитра в тот день. Пришлось попотеть, обрабатывая кучу видеорядов близлежащих камер, но он это сделал. Второй параметр удалось выудить любительской записи. Распределение температуры тела подконтрольных «мулов». Фильтры он планировал подключить

уже на последних этапах отсева. Осталась единственная проблема, которую он пока так и не смог для себя решить...

Мобильные телефоны и коммуникаторы, радиомаячки размером с булавочную головку на особо ценных вещах, способных сообщить своим хозяевам, где их искать в случае утери. Системы терморегуляции в бейсболках и футболках, с микрочипами, в которых содержится информация о заводе-производителе, составе ткани и магазине, где купили вещь. Наномедтехи в крови и жизненно важных органах людей, которые контролируют их состояние здоровья. Все это и многое другое, выдавало в окружающую беспроводную сеть терабайты информации. На основе тысяч информационных потоков делался подробный портрет человека. Конечно, не все сканирующее средства были легальными вещами, но кто обратит внимание на эти мелочи? Особенно если ты пообщался с начальником охраны и получил молчаливое согласие?

Сейчас команда Шершня перенастраивала программное обеспечение, подготавливаясь к началу решающих действий. То, что Арбитра не удалось обнаружить среди входящего потока посетителей, Шершня не слишком беспокоило. По его предположениям он должен был появиться в зале к началу финалов в дисциплине «шутер», а до этого времени мог ошиваться где-нибудь на территории «Кратера», благо таких мест в этом комплексе хватало.

Полуфиналы «стратегий» закончились. Побежденные тихо ушли осмысливать поражения, а победители заняли свои места в VIP-зоне, радостные и возбужденные, пожиная заслуженные овации и раздавая автографы тем счастливчикам, чьи места оказались рядом с ними. Впереди маячили финалы и наступившая передышка в пару часов посреди зала, который они пока еще считали «своим», лучше всего подымала боевой дух.

Их пять минут славы закончились протяжным трубным гласом, одновременно с которым с верхних уровней тотема упали и развернулись почти до самого пола несколько серых полотнищ. В «японских» секторах «Кратера» поднялся одобрителный гул. Он нарастал и почти перекрыл звук, издаваемый тотемом, когда на колыхавшихся серых полотнищах появились фигуры в длинных плащах. На опущенные головы были накинuty клобуки, а одежда была покрыта кровавыми пятнами иероглифов. Фигуры в плащах резко скинули клобуки и молниеносно выхватили из широких пол плащей электрогитары, похожие на мечи с широкими и длинными лезвиями.

Протяжный вой трубы сменился ревом гитар и пулеметными очередями ударника.

«Berlin Hotel». Идору, духи киберпространства, которых призвали из глубин Шельфа в этот языческий храм цифровых баталий кодированные мантры режиссеров игры. Они выглядели настолько же агрессивно, насколько были послушны своим творцам, «кукольникам», создавшим графическую оболочку и некое подобие разума. Рожденные в граненых небоскребах Тойо-сити, послушные марионетки, двигались в ритме арк-металла, одобренного стилистикой анимешных сериалов, длиной в бесконечность. Продюсеры, создавшие их, съели не один ряд своих акульих зубов, творя мифы для молодежных субкультур

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.